

Oleg Ken. «Alarm wojenny» wiosną 1930 roku a stosunki sowiecko-polskie // Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej. XXXV (1999). P. 41-74.

"Военная тревога" весны 1930 г. и советско-польские отношения *

Но, увы, нет дорог

Невозвратному:

Никогда не взойдет

Солнце с Запада

(Подпись под политической карикатурой.

"Известия", 1 января 1930 г.)

Начав на рубеже 1929/30 "революции сверху", советское руководство столкнулось с серией кризисов. В первые недели 1930 г. напряженность в отношениях СССР с Западом (прежде всего – с Францией, Германией и Польшей) развивалась параллельно с нарастанием социально-политического кризиса, вызванного коллективизацией. В феврале-марте 1930 г. эти два процесса сомкнулись, породив у Советов¹ опасения критического ослабления большевистской власти на Украине и интервенции Польши. В предлагаемой статье рассматриваются изменения в стратегическом положении СССР, вызванные кризисом Рапалло, советско-польские отношения в связи с Украиной и, с большей степенью подробности, тревога, охватившая советское руководство в конце февраля–марте 1930 г. и предпринятые им военно-политические и дипломатические усилия по отражению предполагаемой опасности с запада.

Кризис Рапалло и сдвиги в стратегическом положении СССР в начале 1930 г.

Самый скверный для внешней политики СССР 1927 год был отмечен разрывом отношений с Англией и поражением в Китае. В конце 1929 г. дипломатические отношения между Москвой и Лондоном были восстановлены, силы Чан Кан-ши получили сильный удар и СССР вернул себе контроль над КВЖД. Тем не менее, спустя несколько месяцев Советам пришлось ощутить последствия перегруппировки ведущих держав, нашедшей свое отражение в постановлениях Гаагских конференций 1929-1930 гг., франко-германском сближении и смягчении отношений между Германией и Польшей. «Развернутое наступление социализма по всему фронту» положило конец иллюзиям энпа. Большевистская власть вернулась к открытому насилию. Вести о его размахе и ожидание его последствий вызвали широкое осуждение за рубежом, в обстановке которого враждебность к СССР со стороны ведущих политических сил западного мира проявилась с давно не виданными силой и единодушием.

Для советского руководства, рискнувшего в январе 1930 г. выкрасть из Парижа генерала Кутепова, не могла явиться неожиданной поднявшаяся во Франции антисоветская волна. Франция, во многом благодаря ее союзам на востоке Европы, рассматривалась Советами как основной вероятный противник среди великих держав, и ухудшение и без того плохих отношений с нею виделось естественной платой за новый виток российской революции. Гораздо более болезненным и опасным для Москвы явилось присоединение к антисоветской кампании германских политических и деловых кругов, заявивших о своих "сомнениях в целесообразности для Германии продолжения рапальской политики". Развернутая ими деятельность, резюмировал позднее р.о. наркома по иностранным делам Максим Литвинов, "вызвала резкое ухудшение не только советско-германских отношений, но

* Предлагаемая статья является частью исследования «Coexist or subdue? Western neighbor states in Soviet foreign policy and strategic planning, 1929-1937», проводимого совместно с Александром Рупасовым при содействии Program on Peace and International Security (John D. and Katherine T. MacArthur Foundation). Считаю приятным долгом поблагодарить Фонд Макаруров за финансовую поддержку этого исследования.

¹ Выражения «Sowiety» и «Sowiecki» используются мною как нейтральные понятия, точно отображающие самоназвание политического режима, т.е. в соответствии скорее с англо-американской, нежели польской традицией употребления этих терминов.

всего нашего международного положения"². Размышляя над оскорбительными для советского престижа инцидентами, резкой критикой «культурной революции» и «раскулачивания»³, Москва усматривала в них нечто большее, чем проявление общественного негодования и антикоммунизма. "Это конец Рапалло", – заявил Литвинов послу von Dirksenu при обсуждении состояния отношений СССР и Германии в начале февраля 1930 г.⁴ Восклицание Литвинова было разъяснено в журнале НКВД, предложившем назвать вещи своими именами и признать: "между Германией 1930 г. и Германией времен Рапалло – дистанция огромного размера". Германия медленно, но необратимо эволюционировала к сближению с ее недавними победителями. Plan Young'a, окончательно принятый Гаагской конференцией в январе 1930 г., как и намеченная на июнь досрочная эвакуация французских войск из Рейнской области знаменовали установление новой атмосферы во взаимоотношениях Берлина и западных столиц. Более того. Прежнее отношение СССР к Германии основывалось на том, что она была "лишь объектом империалистической политики". К началу 1930-х Германия (Niemcy) превратилась в "субъект этой политики", ибо "народилась неоимпериалистическая Германия (Germania)"⁵. В берлинских политических кругах высказывались схожие геополитические опасения в отношении усиливавшейся России. Как признавал один из руководителей МИД Германии, германские правящие круги беспокоила не столько поддержка Москвой германских коммунистов, сколько перспектива осуществления пятилетнего плана, в результате чего Россия станет представлять "реальную опасность"⁶. Больные по мере обоюдного выздоровления постепенно обнаруживали, что обстоятельства, приведшие к их прежнему соперничеству, сильнее временного несчастья, и даже оказываемые друг другу услуги в конечном счете приближают час, когда, окрепнув, они вновь превратятся в противников.

В начале 1930 г. в Москве надеялись, что еще не настал час, "когда приходится перестать делать кардинальное различие между Германией и другими империалистическими странами"⁷. Однако на протяжении первых месяцев 1930 г. советские руководители с тревогой следили за возникновением все новых препятствий в отношениях с немцами. Советские demarchy в Берлине не достигали цели. Преемник Штреземанна на посту министра иностранных дел, Курциус уклонился от публичных подтверждений верности Рапалло, выставив взамен список претензий, которые должны были оправдать недовольство немцев поведением советских властей⁸. "На политических биржах Европы, Америки и Азии уже учитывался окончательный отход Германии от СССР и политическая изоляция Советского Союза", что, в свою очередь, усиливало антисоветские выпады во всех странах и, – подчеркивал Литвинов, – несомненно, непосредственно влияло на антисоветские планы Поль-

² Информационное письмо заместителя наркома иностранных дел Литвинова в Политбюро ЦК ВКП(б), 13.5.1930 // Дух Рапалло. Советско-германские отношения. 1922-1933. Екатеринбург - М., 1997. С.193.

³ Влияние коллективизации на советско-германские отношения имела множество измерений. В начале марта 1930 г., при обсуждении положения в СССР на *sniadaniu prywatno-towarzyskiem u pp.von Dirksen*, секретарь польской миссии услышал следующее рассуждение германского посла: "Fachowcy niemieckie nie ukrywaly nigdy swej opinii, a nawet starali sie rzeczowymi argumentami przekonac czynniki sowieckie, ze przyjete przez nie tempo kolektywizacji w koncu 1929 i w poczatkku 1930 r. doprowadzic musi do chaosu gospodarczego w ZSSR i do sytuacji, w ktorej ruch kolektywistyczny nie bedzie mogl byc opanowanym ani politycznie ani administracyjnie ani finansowo ze strony wladzy radzieckiej". Анализ высказываний посла привел Понинского к выводу, что "na tem tle powstal nawet dosc powazny incydent niemiecko-sowieckij" *Stosunki Sowiecko-Niemiecki* (ref. Poninski), Moskwa, 11.3.1930 // AAN. Ambasada RP w Moskwie. T.22.Str.136-138.

⁴ Jan Korbel. Poland between East and West: Soviet-German diplomacy toward Poland, 1919-1933. Princeton, N.J., 1963. P.260.

⁵ Н. Корнев. Кризис Рапалло? // Международная жизнь. 1930. N 3. С.11, 16-17.

⁶ HM Ambassador H. Rumbold to Foreign Secretary A.Henderson, Berlin, 13.6.1930 // Documents on British Foreign Policy, 1919-1939 (далее – DBFP). 2-nd ser. Vol.VII. P. 142. Sir Horace Rumbold особо отметил, что его собеседник von Shubert прежде пользовался репутацией ученика графа Brockdorff-Rantzau i von Maltzan – твердых сторонников взаимопонимания между СССР и Германией.

⁷ Н. Корнев. Указ. соч. С.17.

⁸ См., в частности, ранее неизвестный документ об этом: Запись беседы полпреда СССР в Германии Н.Н.Крестинского с министром иностранных дел Германии Ю.Курциусом, 5.3.1930 // Дух Рапалло. Советско-германские отношения. 1922-1933. Екатеринбург - М., 1997. С.171-181. Резкую оценку германской политики в 1929-1930 гг. в связи с этой беседой см.: Письмо заместителя наркома по иностранным делам М.М.Литвинова полпреду в Германии Н.Н.Крестинскому, 7.3.1930 // Документы внешней политики СССР (далее – ДВП СССР). Т.13. С.132-133.

ши"⁹. Действительно, уже с первой половины февраля 1930 г. внимание Варшавы было привлечено к наступлению, как выразилась "Gazeta Polska", "сумерек рапалльской дружбы". Анализируя "обозначившийся общий поворот в германо-советских отношениях", представитель Главного Штаба в Москве вместе с тем полагал, что он пока не затронул связи рейхсвера и РККА¹⁰. На деле, в советском военном ведомстве с растущим пессимизмом взирали на перспективы военно-политического сотрудничества с немцами. Об этом, в частности, свидетельствует реакция наркома Ворошилова на призыв полпреда в Берлине Николая Крестинского воздержаться от свертывания связей между НКВМ и рейхсвером, поскольку "пока не произошло ничего такого, что бы заставляло Германию менять свою политику по отношению к нам. Ее еще никто не купил и даже серьезно не торговал". "Рассуждения невысокой марки", – гласила резолюция наркомвоенмора¹¹. В выступлении перед руководителями бобруйских маневров (сентябрь 1929 г.) он заявил, что из-за поведения Германии в советско-китайском конфликте по отношению к ней "уже нельзя иметь такого доверия, с каким прежде мы относились к немцам"¹². В начале 1930 г. Ворошилов оценивал перемены в германской политике едва ли не жестче, чем другие советские вожди. "С немцами происходит не совсем еще понятная "история". Одни (берлинские вершители немецкой политики) беснуются и готовы зубами вцепиться в горло сов[естских?] респ[ублик?], а другие без мыла лезут куда не следует", – писал он Сталину в середине февраля¹³.

Как известно, одним из краеугольных камней "рапалльских" отношений являлась заинтересованность обеих стран в "сдерживании" Польши. Соответственно, советский план войны на Западе основывался на предположении, что "Германия временно благожелательна к СССР и резко враждебна Польше[,] и если не выступит против последней, то будет оттягивать ее силы на охрану Данцигского коридора и расположением границ Восточной Пруссии создаст угрозу тылу польской армии, при наступлении нашего Западного фронта"¹⁴. Поэтому для советского военно-политического планирования вопрос – "Czy Zwiasek Sowiecki moze w wypadku polskiego ataku liczyc na Niemcy?" – представлял первостепенную важность¹⁵. В обстановке начала 1930 г. на этот вопрос приходилось давать безусловно отрицательный ответ. В советском руководстве были склонны крайне упрощенно оценивать отношения между Польшей и Францией, и, вероятно, именно по этой причине обеспокоенность Варшавы эволюцией французской стратегической концепции, символом которой стало ре-

⁹ Информационное письмо... Там же.

¹⁰ Raport attache wojskowego RP w Moskwie J.Kowalewskiego do Szefa Oddzialu II Sztabu Głownego, 11.02.1930 // Центр хранения историко-документальных коллекций (далее – ЦХИДК). Ф.308.Оп.19. Д.28.Л.28-31.

¹¹ Личное письмо Крестинского Ворошилову, 21.7.1929 (с резолюцией Ворошилова, 28.7.1929) // Зщссийский центр хранения и изучения документов новейшей истории (далее –РЦХИДНИ). Ф.74. Оп.2.Д.100.Лл.164 об., 163. Впервые письмо Крестинского было опубликовано С.А.Горловым (Советско-германское военное сотрудничество в 1920-1933 годах (Впервые публикуемые документы) // Международная жизнь. 1990. N 6. С.121-124) по копии, сохранившейся в фонде Секретариата М.М.Литвинова, вследствие чего резолюция Ворошилова на оригинале письма оказалась неизвестной публикатору.

¹² Сообщение резидентуры "02" (Москва) в реферат "Восток" II Отдела Главного Штаба Польши "Stosunki niemiecko-sowieckie", 25.9.1929 // ЦХИДК. Ф.453.Оп.1.Д.1.Л.101.

¹³ Цитируемые слова являются припиской, сделанной Ворошиловым на сопроводительной НКВМ к копии рапорта Эйдемана и Алксниса об их встрече с полковником Миттельбергом (Сопроводительная записка К.В.Ворошилова Секретарю ЦК ВКП(б) И.В.Сталину, 12.02.1930 // РГВА. Ф.4.Оп.19.Д.10. Л.89.).

¹⁴ Доклад заместителя наркома обороны СССР М.Н.Тухачевского наркому обороны СССР К.В.Ворошилову, Москва, 15.2.1935 // Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Отдел научного использования документов архивного фонда России. Маршал М.Н.Тухачевский (1894-1937). Комплект документов из фондов РГВА. М., 1994. Л.226. Тухачевский использовал приводимую формулировку для характеристики "действовавшего до сих пор стратегического плана войны на Западе" (там же). По всей вероятности, он имел в виду составленный в бытность его начальником Штаба РККА "Оперативный план" (1927-1928 гг.). Судя по изложению Ю.А.Горькова, этот план войны был заменен другим лишь в 1936 г. (Ю.А.Горьков. Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995. С. 55).

¹⁵ Raport plk. W.von Blomberga, 17.11.1928 (Опубликован в изложении и отрывках F.L.Carstenom (Reports by Two German Officers on the Red Army, "The Slavonic and East European Review", vol. XLI, nr 96 (Dec.1962). P.223.). Цитируемые слова принадлежат Ворошилову. Несмотря на то, что Бломберг уклонился от обсуждения предложенной наркомвоенмором темы, в беседе с Уборевичем им были рассмотрены "силы и планы поляков" (Записка управляющего делами НКВМ С.И.Иоффе К.В. Ворошилову, Москва, 16.11.1928 // РЦХИДНИ. Ф.74.Оп.2.Д.100.Л.105).

шение о строительстве «линии Maginot», прошла мимо их внимания. Польско-немецкое ликвидационное соглашение, подписанное в середине февраля ржаное соглашение и подготавливаемый в начале 1930 г. малый торговый договор, напротив, легко укладывались в общую картину сближения Германии и версальских держав, ожиданий «значительного поворота германской политики в пользу Польши»¹⁶. "Zblizenie miedzy Polska a Niemcami na tle traktatu hadlowego i sprawy syndykatu zbozowego wywołuje w sferach sowieckich nietajone duze niezadowolenie w stosunku do Niemiec", – сообщал из Москвы польский attache wojskowy¹⁷. При вступлении в Лигу Наций в 1926 г. Берлин, уступая советскому требованию сделал оговорку, позволявшую Советам рассчитывать, что французские войска не будут пропущены через немецкую территорию. Перемены во взаимоотношениях Германии с Францией и Польшей – по крайней мере, как они виделись сквозь советское увеличительное стекло – более не позволяли СССР полагаться на действенность этой оговорки. Взаимопонимание между Москвой и Берлином относительно важности для обеих стран поддерживать перед Польшей угрозу войны с нею на двух фронтах, если и не исчезло, то отодвинулось далеко на задний план¹⁸. Впервые после войны 1920 г. Советский Союз оказывался в одиночестве перед лицом Польши, за которой просматривались знакомые очертания Антанты.

Советско-украинско-польские отношения и возникновение «военной тревоги»

Обостренное внимание к политике Польше в первые недели 1930 г. не приняло конкретного характера и скорее отражало общую обеспокоенность Советов ситуацией на ближнем Западе. Сообщая о предстоящем визите эстонского президента Strandmana в Варшаву, правительственная печать СССР предупреждала, что эта поездка "не может не обратить на себя серьезное внимание советской общественности" в силу существования в Эстонии "склонности к антисоветской ориентации в тесном единении с Польшей"¹⁹. Москва пыталась предотвратить активизацию эстонско-польских отношений путем приглашения в СССР министра иностранных дел Эстонии Я.Латтика²⁰. Когда же этого достичь не удалось, член Коллегии НКВД Boris Stomoniakow заявил эстонскому посланнику Seljama, что визит Штрандмана вызвал в "sowieckich sferach miarodajnych" "очень тяжелое впечатление". Стомоняков сетовал на то, что хотя w ciągu ostatnich dwóch lat rząd sowiecki dolozył wszelkich staran w celu zaciesnienia i rozwinięcia stosunkow politycznych a zwlaszcza handlowych z Estonja, "визит президента бросил тень на эти дружеские отношения". По мере нарастания кризиса в отношениях с Францией и Германией Наркоминдел, не прекращая выпадов против "антисоветских замыслов" в странах Балтии и планов создания "Большого балтийского блока"²¹, прилагал все больше усилий для utrzymywania pozorow jaknailepszych stosunkow z Estonja, Lotwa i Finlandja. Эстонский посланник в Москве отмечал, что "pomimo represji przeciw komunistom w Finlandji prasa sowiecka zachowuje daleko idace powciagliwosci, a rowniez i sprawy lotewskie traktowane sa przez strone sowiecka z duza ostroznoscia". В начале марта Seljama проницательно связывал наступившее в ostatnim okresie odprezenie na odcinku polnocno-zachodnim i "nawet pewnego rodzaju pojednawczosc w stosunku do

¹⁶ Письмо члена Коллегии НКВД Б.С.Стомонякова полпреду СССР в Польше Ю.В. Богомолу, 20.11.1929 // Архив внешней политики МИД РФ (далее – АВП РФ). Ф.0122.Оп.13. П.144. Д.2. Л.131.

¹⁷ Depesza J. Kowalewskiego do Sztabu Głównego, Moskwa, 11.2.1930 // ААН. Attache wojskowi RP w Moskwie. Т.92. Str.45. О советских оценках политики Германии в отношении Польши и польско-германских договоренностей подробнее см. Заявление полпреда СССР в Германии Н.Н.Крестинского министру иностранных дел Германии Ю.Курциусу, 11.4.1930 (ДВП.Т.13. С.205-206), Германикуса "Германо-польские соглашения" (Международная жизнь. 1930. N 5), а также Varian Leczyk. Polityka II Rzeczypospolitej wobec ZSRR w latach 1925-1934/ Studium z historii dyplomacji. Warszawa, 1976. Str.271-272.

¹⁸ Даже весной 1931 г., т.е. после того как советско-германские отношения вновь вошли в спокойное и деловое русло, нежелание как руководства НКВМ-РККА, так и "главного хозяина" обсуждать с немцами возможности совместного военного противодействия Польше было само собой разумеющимся (см. Письмо военного атташе СССР в Германии В. К. Путны "дорогому Жоржу" [Начальнику IV Управления Штаба РККА Я.К.Берзину?], Берлин, 5.5.1931 // РГВА. Ф.9.Оп.29. Д.187. Лл.73-74.(незаверенная копия).

¹⁹ Поездка эстонского премьера // Известия. 17.01.1930.

²⁰ См. комментарий А.И.Рупасова (готовится к печати) к решению "Об Эстонии" (Протокол Политбюро ЦК ВКП(б) N 115 от 25.01.1930, п.7 // РЦХИДНИ. Ф.17.Оп.162.Д.8.Л.52).

²¹ См., в частности, комментарий "Польские интриги в Прибалтике" (Известия. 25.02.1930).

panstw baltyckich" с концентрацией внимания усилий (nacisku) Sowietow на "poludniowy zachod w związku z sytuacji na Ukrainie"²².

Действительно, советское руководство было убеждено в том, что борьба с Польшей за Украину еще далеко не завершена. «Марксистское» объяснение этого тлеющего конфликта состояло прежде всего в том, что «восточная политика пилсудчиков диктуется интересами определенных групп польской промышленной буржуазии и аграриев», а «специфические особенности экономики современной Польши» лишают ее возможности к развитию. Узость внутреннего рынка и низкая конкурентоспособность польского экспорта толкают польский капитализм на овладение рынками, в которых он мог бы господствовать «на условиях колониальной эксплуатации». «Отсюда, -- утверждали в Москве, -- горячее тяготение к украинским и белорусским землям, «федеративная программа» Пилсудского. Эта программа находит полную поддержку в помещичьих кругах, которые мечтают о возвращении своих обширных украинских и белорусских поместий, отнятых революцией».²³ Поэтому Советы ревностно следили за поведением польского руководства в украинском вопросе, включая как его отношения с украинским национальным меньшинством, так и поддержку им антикоммунистических сил на Советской Украине. О воззрениях харьковского (и отчасти, московского) руководства на польско-советское противоборство дает представления серия писем, направленных Ю.М.Коцюбинским²⁴ руководству НКВД в связи с поездкой наркома УССР Скрыпника во Львов в сентябре 1929 г.²⁵. Оправдывая заявление Микола Скрыпника о том, что "УССР является Пьемонтом для Западной Украины", Коцюбинский доказывал, что такого рода пропаганда является неотъемлемой частью повседневной работы по использованию "недовольства украинской мелкой буржуазии фашистским режимом в Польше", по "направлению недовольства в желательную нам сторону". "УНДО слишком много хочет за угод, польское правительство на требования УНДО не соглашается. Мы на этом играем и стараемся по всем линиям, во всех культурно-просветительных и хозяйственных организациях сколотить группки ундовцев и близко к УНДО советофильских настроенных интеллигентов для того, что использовать их против поль[ского] пра[вительства] и более угодной части УНДО. В этой работе мы имеем успех," – констатировал "украинский советник" полпредства в Варшаве. С другой стороны, "поляки тоже работают против нас. Они на каждом шагу подчеркивают, что они не оставили идею федерации Польши, Украины и Литвы, и что для будущей Украины они сейчас создают Пьемонт в Галиции и на Волыни". "Им эта работа не удастся, – с удовлетворением истолковывал Коцюбинский, сделанное ему признание Holowko: "УНДО не ваше, не наше, оно ближе к Вам, но может быть в дальнейшем нашим"²⁶.

В последние месяцы 1929 г. политическая ситуация в Галиции резко изменилась в неблагоприятную для Советов сторону. В специальном письме в Москву в конце ноября Коцюбинский был вынужден признать, что многолетнее соперничество с Варшавой за влияние на УНДО как самую влиятельную политическую силу на "Западной Украине", окончилось в пользу поляков. Основные причины такого исхода советский эмиссар усматривал в реакции руководства УНДО на начавшуюся в СССР "революцию сверху". Долгое время ЦК УНДО надеялся на "перерождение советской Украины", на "национальные силы", которые смогут отодвинуть компартию от руководства страной", "обострение классово-борьбы у нас, в СССР, разгром украинских контрреволюционных организаций и арест их лидеров показали руководителям УНДО, что ставка на буржуазное перерождение УССР бита". Второй причиной переориентации УНДО, согласно Коцюбинскому, был "страх, что в приближающихся внутренних польских событиях и во время предстоящей войны с нами УНДО останется за бортом. Ундовцы сейчас открыто говорят, что СССР накануне распада, накануне внутренней гражданской войны. УНДО уверено, что в случае крупных беспорядков и восстаний в СССР

²² Notatka A. Poninskiego "Stanowisko Rządu Sowieckiego wobec wizyty Prezydenta Strandmana w Warszawie", Moskwa, 4.3.1930 // AAN. Ambasada RP w Moskwie. T.11. Str.11-13.

²³ Польша и СССР [редакционная статья] // Известия. 18.3.1930.

²⁴ Юрий Коцюбинский – сын классика украинской литературы Михаила Коцюбинского, был одним из руководителей украинских большевиков в период гражданской войны, а в 1930-е гг. – членом правительства УССР. В конце 1920-х гг. он выполнял функции советника полпредства СССР в Варшаве и одновременно, негласно, представителя украинских партийных и советских властей.

²⁵ Коллегия НКВД заявила в Политбюро ЦК ВКП(б) протест против поездки наркома просвещения УССР Скрыпника во Львов из опасения, что она вызовет ненужное обострение отношения с Польшей (Выписка из протокола заседания коллегии НКВД N 93 от 30.9.1929 // АВП РФ. Ф.0122.Оп.13. П.145.Д.9.Л.126).

²⁶ Письмо советника полпредства в Польше Ю.М.Коцюбинского члену Коллегии НКВД СССР Б.С.Стомонякову, Варшава, 1.10.1929 //АВП РФ. Ф.0122.Оп.13.П.144. Д.1. Л.301-302.).

и, в первую очередь в УССР, поляки не останутся безучастными". В результате, "УНДО из силы, за которую боролись два влияния, превратилось в придаток, в орудие польского правительства", и, следовательно, "идет на союз с Польшей на случай войны с нами", вдохновляясь успехом линии Пилсудского 1912-1916 г.²⁷ В этом контексте было воспринято и назначение на пост министра внутренних дел в правительстве К. Bartla Henryka Jozewskiego (29 grudnia 1929 г.). Уроженец Наднепровской Украины, Jozewski, благодаря своему сотрудничеству с Петлюрой и речи 1928 г. в духе воскрешения украинско-польского союза, стал для Советов символом подрывной работы Польши на Украине, и приобрел притягательность для антибольшевистски настроенных украинцев. В Москве имели все основания думать, что эти обстоятельства не прошли мимо внимания Пилсудского, включившего бывшего Волынского воеводу в новое правительство. К тому же, в первые дни после образования кабинета Bartla появились сообщения о подготовке министерством просвещения проекта создания Украинского института в Варшаве. "Известия" немедленно солидаризировались с позицией "АВС", которая, указав на совпадение назначения Юзефского с появлением этого проекта, заявила о "серьезных опасениях", что "правительство в своей политике по отношению к нацменьшинствам начинает приближаться к прежней опасной стадии блуждания по империалистическим ухабам"²⁸.

В результате, с точки зрения Советов, к началу 1930 г. первая предпосылка для эвентуального развязывания Польшей войны против СССР – польско-украинское сближение на антисоветской платформе -- была налицо, и перепечатка польской проправительственной прессой заявления лидера УНДО Дмитрия Левицкого о том, что главным врагом украинцев является СССР, воспринималась едва ли не предвестник новой *wurawu kijowskiej*. Перед Москвой и Харьковом открывались две возможности. Одна из них состояла в том, чтобы активизировать усилия по организации оппозиционных сил в УНДО и по поддержке Сельроба и Компартии Западной Украины (борьба за привлечение на свою сторону Украинской военной организации к тому времени была уже проиграна²⁹). Другая – в ограничении пропагандистской и подрывной работы на кресах в расчете на ответное смягчение позиции Варшавы в отношении СССР. Оказавшись перед этой дилеммой, московское Политбюро, при поддержке НКВД, постепенно склонилось к решению умерить рвение руководства Компартии Украины. 5 декабря члены Политбюро проштамповали решение "О Западной Украине", которым фактически предreshался отпуск средств на "украинскую работу за границей". Для предварительного рассмотрения соответствующей сметы создавалась комиссия во главе с Кагановичем³⁰. 25 и 30 декабря московское Политбюро возвращалось к этому вопросу, в конечном счете было решено отклонить просьбу Харькова о сохранении секретных фондов на ведение "украинской работы за границей"³¹. Решение Политбюро явилось сильным ударом по доминировавшей в украинско-

²⁷ Письмо советника полпредства в Польше Ю.М.Коцюбинского члену Коллегии НКВД СССР Б.С.Стомонякову, Варшава, 28.11.1929 // АВП РФ. Ф.0122. Оп.13. П.144. Д.1. Л.366-367.).

²⁸ Братин. Наглый трюк пилсудчиков // Известия. 2.01.1930. В связи с выпадами Советов против проекта Украинского института St.Patek не без иронии обратил внимание неопытного британского посла на то обстоятельство, что именно СССР первым из иностранных держав признал (в переговорах 1920-21 гг.) принадлежность части Украины Польше (HM Ambassador E. Ovey to Foreign Secretary A. Henderson, Moscow, 8.02.1930 // DBFP. 2nd ser. Vol.VII. P.99).

²⁹ Советские усилия завоевать влияние в УВО были, разумеется, глубоко законспирированы, и о них имеются лишь косвенные данные. По сведениям, полученным польской миссией в Праге ze zrodla poufnego, в начале 1929 г. «wzmocnila sie w UWO grupa zwolennikow Sowietow. Chociaz odlam ten nie mial wierszosci, zdolal jednak przeforsowac wybor swego kandydata na miejsce plk. Konowalca. W ciagu calego roku toczyl sie spor w tej sprawie miedzy wiekszoscia, podtrzymujaca Konowalca i mniejszoscia, popierajaca swego kandydata. Dopiero przed kilku dniami udalo sie wiekszosci zalatwic te kwestie i przywrocic Konowalcu kierownictwo UWO» (Raport posla RP w Czechoslowacji W.Grzybowskiego do ministra spraw zagranicznych, Praga, 3.03.1930 // CAW. 1774/89/346. Str.3).

³⁰ Протокол ПБ ЦК ВКП(б) N 108 от 5.12.29 (особый N 106). П.82 (Опросом от 5.12.1929) // РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.162.Д.8.Л.17. Наряду с Секретарем ЦК ВКП(б) Л. Кагановичем в эту комиссию вошли нарком финансов Брюханов, и.о. наркома по иностранным делам Литвинов, генеральный секретарь ЦК КП(б)У Косиор и заведующий Отделом международных связей ИККИ Пятницкий.

³¹ Протокол ПБ ЦК ВКП(б) N 111 от 25.12.29. П.3. // Там же. Оп.3. Д.770. Л.1; Протокол ПБ ЦК ВКП(б) N 112 от 5.1.30 (особый N 110). П.39. // Там же. Оп.162. Д.8. Л.30. По всей вероятности, это решение было принято не без влияния НКВД, глава которого в беседе с британским послом даже обронил замечание о том, что необходимость в поддержке коммунистической пропаганды со стороны ВКП(б) уменьшается,

коминтерновских кругах позиции, согласно которой стержнем отношений СССР с Польшей должна быть "активная работа" по разложению ее государственного строя³².

Другой областью столкновения интересов двух стран являлось развитие социально-политической ситуации на Советской Украине. В период "военной тревоги" весны-лета 1927 г., вызванной разрывом с Англией и обострением отношений с Польшей, советское руководство имело основания рассчитывать на лояльность основной массы крестьянства Украины. Согласно обобщенным сведениям ОГПУ СССР, в 1927 г. "создававшаяся угроза войны вызвала небывалую активность кулачества и антисоветских элементов", которая, однако, столкнулась с ожиданиями бедноты, что война создаст возможность "расправиться с кулачеством" и таким образом "обезопасить тыл". Хотя в среде зажиточных селян и интеллигенции ожили надежды на восстановление Украинской народной республики, "настроения эти среди широких слоев украинского селянства поддержки не встречают", утверждалось в тогдашнем докладе Информационного отдела ОГПУ³³. Однако в 1929-1930 гг. вступление СССР в новую полосу международных осложнений сопровождалось ломкой основ жизни десятков миллионов крестьян. Сталин и его коллеги по Политбюро имели все основания полагать, что наиболее ожесточенное и массовое сопротивление коллективизации встретит на "мелкобуржуазной" Украине³⁴. Вероятно, именно стремлением нанести превентивный удар по "пассивной контрреволюции", скомпрометировать и запугать национально мыслящих украинцев и ослабить потенциал ориентации на Польшу со стороны будущих жертв намечаемого социального переворота, объясняется решение организовать судебно-пропагандистский процесс против известных представителей некоммунистической интеллигенции.

В начале ноября Политбюро обсудило "украинское сообщение", представленное Председателем ВУЦИК Петровским и заместителем председателя ОГПУ Ягодой, о раскрытии в Киеве контрреволюционной организации социал-федералистов, связанной с петлюровцами в Польше. Постановление Политбюро предписывало выделить из арестованных группу руководителей «Союза освобождения Украины» ("Spilka wyzwolenia Ukrainy"), и "судить их открытым судом в Харькове, сократив по возможности судебную процедуру"³⁵. Редактирование текста извещения о предстоящем процессе поручалось Секретариату ЦК ВКП(б), до его опубликования главе правительства УССР предписывалось воздержаться от дачи интервью. "Вопрос о составе суда" передавался на разрешение "Секретариату ЦК с участием представителя ЦК КП(б)У". Формулировки постановления создают впечатление, что осознавая внешнеполитические последствия публичной постановки дела "СВУ", московское руководство решило жестко контролировать активность Харькова, традиционно настроенного более антипольски, чем центральный властный аппарат. Парируя (или предвосхищая) возражения НКВД относительно показательного процесса с обвинениями по адресу соседнего государства, Политбюро решило "обязать т.Ягоду ознакомить с материалами [обвинения] лично

поскольку зарубежные компартии уже встали на ноги (HM Ambassador E. Ovey to Foreign Secretary A. Henderson, Moscow, 24.12.1929 // DBFP. 2nd ser. Vol.VII. P.67.).

³² "Наши отношения с Польшей таковы, что наша работа на кресах и работа друзей и их пристрооек является *главнейшей* нашей работой, *главнейшим* нашим козырем против империалистической Польши," – доказывал Ю.М.Коцюбинский в полемике с руководством НКВД (Письмо советника полпредства в Польше Ю.М.Коцюбинского и.о.члена Коллегии НКВД СССР К.К.Юрневу, Варшава, 1.10.1929 // АВП РФ. Ф.0122.Оп.13.П.144. Д.1. Л.302 (курсив мой, подчеркивание автора документа).

³³ Докладная записка о реагировании различных слоев населения настроений СССР на опасность войны (по материалам Инфо ОГПУ), [не ранее сентября 1927 г.] // РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.85. Д.289. Л.25. За три месяца (с 15 июня по 15 сентября) ОГПУ зарегистрировало на Украине 1423 "пораженческих выступления" (Там же).

³⁴ "Украина – родина и колыбель бандитизма", – так сформулировал Ворошилов мысль о том, что стихийное сопротивление большевикам нигде не оказалось столь сильным и упорным как на Украине (Набросок "Бандитизм, его история и борьба с ним", [1921]// РЦХИДНИ. Ф.74.Оп.2.Д.85.Л.28).

³⁵ Следуя этому постановлению, ОГПУ и партийные инстанции решили сделать главной фигурой процесса вице-президента Всеукраинской Академии наук Сергея Александровича Ефремова (в прошлом – председателя ЦК партии украинских социалистов-федералистов), тогда как экс-премьеру Украинской Народной Республики, ставшему после ее крушения главой автокефальной православной церкви, Чеховскому было отведено второе место. Вопрос "о показаниях Ефремова" дважды ставился на Политбюро, которое в конце концов передало его в Секретариат ЦК ВКП(б) "на окончательное решение" (Протокол ПБ ЦК ВКП(б) 111 от 25.12.29, п. 27 // РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.3.Д.770. Л.6); Протокол ПБ ЦК ВКП(б) N 113 от 15.11.29, п.44 // Там же. Д.772. Л.8).

т.Литвинова"³⁶. "Sprawie nadaja wielkie znaczenie, – сообщал Stanislaw Patek в письме министру Zaleskiemu тремя неделями позднее. – Niewatpliwie zechca z niej zrobic proces na efekt w tym rodzaju, jak proces szachtynski w Donbasie [1928 r.] z ta roznicza, ze proces szachtynski byl ostrzem swym zwrocony przeciwko Niemcom, a proces kijowski moglby byc ewentualnie zwroconym ostrzem swym przeciwko Polsce"³⁷.

Последующие акции ГПУ привели в середине декабря 1929 г. к возбуждению дела против сотрудников киевского консульства и офицеров Oddzialu II Незбжицкого и Недзвецкого, которые были задержаны в квартире д-ра Виноградова (как утверждало ГПУ – при попытке получения нелегально добытых сведений). "02 sluzbowo melduje, ze z Wynogradowym nigdy zadnej roboty, ani z zadna z dotychczas aresztowanych w Kijowie osob nie prowadzil", – доносил из Москвы военный атташе³⁸, но руководителей ОГПУ (и тем более, Кремль) это обстоятельство вряд ли занимало всерьез. Советские власти потребовали немедленного выезда пользовавшихся иммунитетом Незбжицкого и Недзвецкого, что привело к дипломатическому конфликту. "Патек получил даже предписание из Варшавы протестовать против этого случая, – сообщал Стомоняков в полпредство, – который поляки связывают с поездкой т. Скрыпника во Львов и в котором видят проявление планомерной кампании наших украинских властей, имеющей целью скомпрометировать Польшу в глазах населения Советской Украины"³⁹. Настаивая на высылке сотрудников консульства, НКВД, согласился не придавать делу огласки, и в середине января оно окончилось "внешне благополучно"⁴⁰. Политической целью этой операции против польского консульства и разведки было, по всей видимости, упредить польскую реакцию на обвинения, которые должны заявлены против Варшавы на процессе «СВУ». К февралю 1930 г. kierownik Konsulatu Generalnego w Charkowie mjr. Adam Steblowski уже не сомневался, что "ten wielki proces", нанося удар по украинской интеллигенции, в то же время "bedzie zapewne swego rodzaju procesem przeciwko Polsce". Steblowski предсказывал, что в конце зимы–весной 1930 г. "punkt ciezkosci stosunkow polsko-sowietskich moze znalezc sie wyraznie w sferze sprawy ukraińskiej"⁴¹.

Работа над сценарием судебного процесса вступила, между тем, в завершающую фазу. 5 февраля Политбюро заслушало доклады руководителей союзного и украинского ГПУ и представ-

³⁶ Протокол ПБ ЦК ВКП(б) N 106 от 5.11.29 (особый N 104) // РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.162. Д.8. Л.1.

³⁷ List St. Patka do Ministra Spraw Zagranicznych, Moskwa, 30.11.1929 // AAN. Ambasada RP w Moskwie. T.39. Str.213. Из-за отсутствия аутентичных данных приходится воздержаться от попытки оценить соотношение правды и вымысла в чекистских материалах о "СВУ". Для понимания предыстории дела "СВУ" и его внешнеполитических аспектов уместно, однако, сослаться на инструктивное письмо Augusta Zaleskiego польским дипломатическим миссиям, содержавшее панораму украинской политической эмиграции. "Z powyzzszego wyplywa, – говорилось в заключительной части письма, – ze wsród emigracji ukraińskiej nadal pozostaje istotnie wplywowym i powaznym oboz niepodleglosciowy, czyli t.zw. popularnie "Petlurowcy", ktorzy pozostali wierni swej sympatiji i zaufania do Polski, pomimo wielu zawodow. Należy dbac o umocnienie tego zaufania i przychodzic temu obozowi z istotna pomoca w zakresie dyplomacycznym i propagandowym" (Minister Spraw Zagranicznych A.Zaleski do Charge d'Affaires w Moskwie A.Zielezinskiego, Warszawa, 30.12.1926 // AAN. Ambasada RP w Moskwie. T.42. Str.333).

³⁸ Depesza AW w Moskwie J.Kowalewskiego do Sztabu Glownego, 16.12.1929 // AAN. Attache wojskowi w Moskwie. T.41. Str.6. Placowka "O-2" функционировала в Киеве с августа 1928 г. под руководством пор. Jerzego Niezbrzyckiego (Andrzej Replonski. Wywiad Polski na ZSSR 1921-1939. Warszawa, 1996. Str. 126).

³⁹ Письмо члена Коллегии НКВД Б.С.Стомонякова charge d'affaires в Польше Ю.М.Коцюбинскому, Москва, 27.12.1929 // АВП РФ. Ф.0122.Оп.13. П.144. Д.2. Л.148.

⁴⁰ Письма члена Коллегии НКВД Б.С.Стомонякова charge d'affaires в Польше Ю.М.Коцюбинскому, Москва, 7.01.1930 и 17.01.1930 // АВП РФ. Ф.0122.Оп.14. П.149. Д.2. Л.3, 7. Одновременно польские власти потребовали выезда четырех сотрудников полпредства в Варшаве (Коноплева, Садовского, Павловича, Тутаева). По всей видимости, их недипломатическая деятельность была хорошо удостоверена, и Москва с облегчением (как "выигрыш") восприняла их высылку без публикации польскими ведомствами специального коммюнике (Письмо члена Коллегии НКВД Б.С.Стомонякова полпреду в Польше В.А.Антонову-Овсенко, Москва, 27.01.1930 // Там же. Л.10). Для того, чтобы "сорвать намечавшуюся контракцию поляков", НКВД ускорил выезд в Варшаву нового полпреда (полагая, что МИД Польши сочтет невозможным начинать контакты с ним с открытого конфликта относительно высылки сотрудников полпредства (Письмо полпреда СССР в Польше В.А.Антонова-Овсенко члену Коллегии НКВД Б.С.Стомонякову, Варшава, 29.01.1930 // Там же. Д.1. Л.19).

⁴¹ Raport Kierownika Konsulatu Generalnego RP w Charkowie Adama Steblowskiego do MSZ, Moskwa, 1.2.1930 (odpis)// AAN. Ambasada RP w Moskwie. T.39. Str. 256-257.

ленный ЦК КП(б)У "план ведения процесса". Резолюция Политбюро не отличалась ясностью. Она гласила: "Принять к сведению сообщение т.т. украинцев и предложить им при дальнейшем ведении процесса учесть обмен мнениями на Политбюро"⁴². Существо этого решения разъяснялось в сообщении НКВД charge d'affaires (и одновременно "украинскому советнику") СССР в Варшаве: "В связи с осложнением международной ситуации и, в частности, в связи с кампанией во Франции за разрыв отношений с СССР, мы решили отложить постановку киевских процессов [sic] до более благоприятного момента. Судебная подготовка, однако, идет и процессы будут поставлены"⁴³. По всей вероятности, при "обмене мнениями на Политбюро" по адресу репрессивных органов УССР были высказаны настоятельные пожелания "принять меры, чтобы по возможности оградить польско-советские отношения при ведении процесса", в частности, огласить основную часть обвинительного акта при закрытых дверях и сократить продолжительность судебного фарса⁴⁴. Решение Политбюро явилось частью общего сдвига, происшедшего в поведении Советов в международных делах в начале февраля 1930 г., когда демонстрация уверенности в своих силах внезапно уступила месту "лихорадочной тревоге по поводу безопасности их страны и зловещим намерениям объединения капиталистических стран, которые выжидают, наблюдают, строят планы и плетут заговоры, чтобы сокрушить" Советский Союз⁴⁵. Источник этой перемены лежал в складывании угрожающего взаимосочетания социально-политических и внешнеполитических факторов.

30 января постановлением ЦК ВКП(б) было официально провозглашена политика ликвидации кулачества. В некоторых районах Украины еще до издания постановления предписанные в нем действия начали осуществляться по инициативе снизу⁴⁶. "Мероприятия против кулаков" надлежало провести в первую очередь "в погранполосе, округах и районах сплошной коллективизации"⁴⁷. При определении районов сплошной коллективизации "предпочтение" было отдано Правобережной Украине, в 11 округах которой к началу февраля было коллективизировано 34,4% сельских хозяйств, а к 1 марта – 71,1% (по УССР в целом эти цифры составляли соответственно 30,7% и 62,8%)⁴⁸. К середине февраля ОГПУ обнаружило, что несмотря на небольшие абсолютные цифры "террористических актов", совершенных "на почве коллективизации", они стали расти в геометрической прогрессии⁴⁹. По селам прокатились слухи о возвращении помещичьей неволи, призывы избавить Украину "от ярма коммунизма", перемежающиеся с надеждами на скорую войну Польши и Румынии с СССР, на крестовый поход христианского мира против коммунистов. "В целом предчувствие апокалипсиса нависло над украинским селом," – отмечает современный украинский исследователь⁵⁰. С двадцатых

⁴² Протокол ПБ ЦК ВКП(б) N 116 от 5.2.30 (особый N 114), п.7 // Там же. Оп.162. Д.8. Л.54.

⁴³ Письмо Члена Коллегии НКВД Б.С.Стомонякова charge d'affaires СССР в Варшаве Ю.М.Коцюбинскому, Москва, 7.2.1930 // АВП МИД РФ. Ф.0122. Оп.14. П.149. Д.2. Л.17.

⁴⁴ Об этом сообщил Борис Стомоняков Адаму Зелезинскому, ссылаясь, разумеется, не на дебаты в Политбюро, а на обращение НКВД СССР к Наркомату юстиции УССР (Запись беседы члена Коллегии НКВД Б.С.Стомонякова с charge d'affaires A.Zieliezinski, 17.3.1930 // ДВП СССР. Т.13. С.147). Ранее Steblowski, на основе собранной им информации сообщал, что "ефремовский" процесс, "jak zapowiadaja, ma trwac przy drzwiach otwartych okolo dwoch miesiecy" (Raport Kierownika Konsulatu Generalnego RP w Charkowie Adama Steblowskiego do MSZ, Moskwa, 1.2.1930 (odpis)).

⁴⁵ HM Ambassador E. Ovey to Foreign Secretary A. Henderson, Moscow, 8.02.1930 // DBFP. 2nd ser. Vol.VII. P. 97. (в оригинале – "a fever of alarm regarding the security of their country, and the sinister intentions of the ring of capitalist countries who are waiting, watching, scheming and plotting to destroy them"). Именно в начале февраля Литвинов заявил германскому послу о "кризисе Рапалло" (см.выше) Подробнее о первых проявлениях "военной тревоги" в Москве см. Jonathan Haslam. Soviet foreign policy 1930-1933: The impact of Depression. L., 1983. P.24-25.

⁴⁶ Валерий Васильев. Первая волна сплошной коллективизации и украинское крестьянство //Валерій Васильєв, Лінн Віола. Колективізація і селянський опір на Україні (листопад 1929 – березень 1930 р.р. Вінниця, 1997. С.53.

⁴⁷ Телеграмма ЦК КП(б)У Винницкому окружному партийному комитету с изложением текста постановления ЦК КП(б)У от 23 января 1930 г. о мероприятиях против кулаков, Харьков, 24.01.1930 // Там же. С.143.

⁴⁸ Справка о количестве коллективизированных крестьянских хозяйств на Украине, 10.3.1930 //Там же. С.203-204.

⁴⁹ С 1 по 20 января – 18 "терактов", с 20 января по 1 февраля – 27, за первые пять дней февраля – 23. (См. Докладная записка председателя ГПУ Украины В.Балицкого генеральному секретарю ЦК КП(б)У С.Косиору о ходе коллективизации на Украине, 20.02.1930 // Там же. С.178).

⁵⁰ Валерий Васильев. Указ.соч. С.54.

числах февраля "во всех 11 округах пограничной зоны (Шепетовский, Бердичевский, Волинский, Коростенский, Тульчинский, Могилевский, Каменецкий, Проскуровский, Винницкий, Одесский и АМССР)" недовольство вылилось в "массовые волнения, а кое-где и вооруженные выступления крестьян", докладывал председатель ГПУ УССР В.А.Балицкий. В селах нескольких пограничных округов объявились группы и отдельные агитаторы, которые заявляли о своей принадлежности к "Спілке визволення України", и "активно участвовали в выступлениях, руководили восстанием под лозунгом "Да здравствует СВУ", "хотя организация СВУ и арестована, но дело ее живет" и т.д."⁵¹. Впоследствии Балицкий признавал необходимость особо задуматься над тем, "почему, особенно на Правобережье, на границе, где, как нам известно, в большинстве бедняцкие, карликовые хозяйства, мы имели такие выступления?" Действительно, на долю пограничных округов пришлось ровно половина общего числа массовых выступлений на Советской Украине, происшедших с 20 февраля по 2 апреля 1930 г. (871 выступлений в 11 пограничных и 845 в 30 внутренних округах УССР)⁵², а характер волнений был таков, "что в этих пограничных районах советская власть по нескольку дней фактически не существовала"⁵³. Объяснение этого феномена со стороны шефа тайной полиции УССР было "политически корректным" и предельно уклончивым ("во многих местах коллективизация проводилась голыми административными мерами" и проч.)⁵⁴. Между тем, ответ содержался в самом вопросе: близость границы советского государства оказалась более значимым фактором для поведения крестьян, чем особенности социального уклада в той или иной местности. От пограничья Советы ждали сопротивления и с середины февраля знали, что получают его. Однако масштабы социального протеста и степень его организованности предвидеть было невозможно, так же как и предсказать, насколько широкие возможности волнения крестьянства откроют для сопредельных с Советской Украиной государств.

Поэтому понятна та "удесятиренная бдительность", с которой из Москвы следили за любыми шагами польского руководства. "На фоне ухудшения наших отношений с некоторыми государствами, обращает на себя внимание необычно спокойная позиция поль[ского] пра[вительства]", – писал в Варшаву член Коллегии НКВД, имея в виду expose Zaleskiego в сеймовой комиссии по иностранным делам (21 января) и поведение проправительственной печати. Это спокойствие, предупреждал, Стомоняков, "не должно, однако, нас обманывать". Польские власти рассчитывают на "дальнейшее прогрессирующее ухудшение отношения" к СССР со стороны капиталистического мира и потому, полагали в НКВД, "заинтересовано в том, чтобы выждать развитие событий и не раскрывать преждевременно карт как перед нами, так и перед широкими кругами населения в Польше"⁵⁵. Будучи не в состоянии проникнуть через занавес, отделявший иностранных дипломатов от правительственных совещательных комнат, московские руководители с повышенным (и, вероятно, преувеличенным) вниманием относились к колебаниям настроений в польской печати как индикатору намерений Пилсудского. С этой точки зрения поведение польской прессы до конца февраля оставалось "загадочным", указывая Москве на то, "что в Варшаве идут дискуссии о позиции Польши, что высказываются разные мнения о тех или иных способах использовать нынешнее положение"⁵⁶.

Эти предположения не были беспочвенными. С одной стороны, явное нарастание внутреннего кризиса в СССР делали для польских руководящих деятелей как никогда актуальными установки

⁵¹ Докладная записка председателя ГПУ Украины В.Балицкого генеральному секретарю ЦК КП(б)У С.Косиору о причинах и ходе крестьянских выступлений в 11 пограничных округах Украины, 30.03.1930 // Там же. С.243-245.

⁵² Подсчитано по: Цифровые данные о массовых выступлениях по округам Украины, 3.04.1930 // Там же. С.251. По данным, собранным ранее Л.Виолой, А.Береловичем и В.П.Даниловым, в марте 1930 г. на Украине произошло 2945 выступлений, в которых приняло участие около 900 тысяч человек (См. Валерий Васильев. Указ.соч. // Там же. С.66.)

⁵³ Валерий Васильев. Указ.соч. // Там же.

⁵⁴ См. Докладная записка председателя ГПУ Украины В.Балицкого генеральному секретарю ЦК КП(б)У С.Косиору... С.245-247.

⁵⁵ Письмо Члена Коллегии НКВД Б.С.Стомонякова charge d'affaires СССР в Варшаве Ю.М.Коцюбинскому, Москва, 17.2.1930 // АВП МИД РФ. Ф.0122. Оп.14. П.149. Д.2. Л.20-21.

⁵⁶ Письмо Стомонякова Антонову-Овсенко, 27.2.1930 // Там же. Л.23. "У нас еще достаточно материала для того, чтобы делать ответственные выводы о позиции и поведении Польши, – добавлял Стомоняков. – У нас, однако, более чем достаточно оснований для того, чтобы рассматривать нынешнюю фазу наших отношений с Польшей как особенно серьезную, и вследствие этого, удесятерить нашу бдительность" (Там же. Л.22). Вероятно, большей откровенности относительно внутрисоветских факторов беспоконья Москвы, Стомоняков в официальной переписке позволить себе не мог.

Пилсудского, изложенные тремя годами ранее: "Gorna warstwa rządzaca jest w stanie poruszyć i poprowadzić Rosję dokąd zechce i jest przez to bardzo niebezpieczna. Stąd niespodzianki s którymi należy się liczyć [...] Moga też bolszewicy spowodować wojnę z Polską, aby wybrnąć w ten sposób z wewnętrznego kryzysu..."⁵⁷. Следуя этим установкам руководимая доверенными людьми Маршала "Gazeta Polska" с середины февраля настойчиво повторяла мысль о том, что Польша должна с неослабным вниманием следить за развитием событий в СССР. Эти же руководящие принципы (которым вполне уместно противопоставить мысль, высказанную позднее Яном Ковалевским – с очередями войну заканчивают, но не начинают) побудили дипломатические и военные органы Польши придать несоразмерное значение слухам о советских военных приготовлениях на румынской границе и способствовать их укоренению в Бухаресте и Праге. Начальник Восточного отдела MSZ капрал Holowko уверял Антонова-Овсеенко: "мы прекрасно знаем, что вы не расположены воевать"⁵⁸, но более авторитетные военные власти (вероятно, по указанию самого ministra spraw wojskowych) поручили атташе mjr. Romanu Michalowskiemu убедить румынские власти немедленно усилить оборону Бессарабии. Для россиян стимулируемые поляками слухи о приближающейся агрессии против Румынии не могли быть ничем иным как попыткой международных антисоветских сил оправдать собственную подготовку нападения на СССР⁵⁹.

С другой стороны, в Варшаве предпринимались меры, направленные на разложение советской власти на Украине и консолидацию военно-политических эмигрантских группировок. 17 января 1930 г. naczelnik Wydziału Wschodniego MSZ Holowko "urządził specjalne zebranie towarzyskie dla Ukraińców". Наряду с министром внутренних дел Henrykiem Jozewskim i oficerami Oddziału II Sztabu Głównego, в собрании взяли udział Walery Slawek i Bolesław Wieniawa-Długoszewski⁶⁰. "Ze strony ukraińskiej" во встрече участвовали prezydent UNR (URL) Andrij Liwicki, ministr spraw zagranicznych UNR Alexander Shulgin i jego zastępca, profesor UW Roman Smal-Stocki, а также генералы Salski i Szandruk⁶¹. Главной задачей встречи было преодоление противоречий между украинскими и казачьими руководителями эмиграции; дискуссия на эту тему составила второй вопрос повестки дня. Началось же совещание с предложения Ливицкого и Смаль-Стоцкого, сделанного "z polecenia p. naczelnika Holowki", об организации передач из Варшавы "Chwilek ukraińskich" "jako odpowiednika na radiowa propagande bolszewicka, zwrocona przeciw interesom R.P."⁶². Главным содержанием передач должно было стать комментирование событий на Советской Украине⁶³. Przedstawiciel Oddziału II (вероятно, kapitan Charaszkiwicz), ориентируясь на позицию Holowki, дал zasadniczo pozytywna

⁵⁷ Protokół 1 z posiedzenia Komitetu Obrony Państwa, 23.11.1926 (cyt. w: Marian Leczyk. Polska i sąsiedzi. Stosunki wojskowe 1921-1939. Białystok, 1997. Str. 260).

⁵⁸ Дневник полпреда СССР в Польше, 4.03.1930 // АВП РРФ. Ф.09. Оп.5. П.44.Д.34.Л.37.

⁵⁹ Подробнее см. Jonathan Haslam. Op.cit.Р.26-27, 130 (note 28). Посланник Патек и атташе Ковалевский уже в январе 1930 г. солидарно развивали перед МИД и Главным штабом идею о том, что основное внимание Советов сосредотачивается на Ближнем Востоке и Черноморском бассейне, вследствие чего от Москвы можно ожидать попыток решения бессарабского вопроса. Польские материалы подтверждают тезис J.Haslam'a о том, что "сезонные тревоги" относительно агрессивных намерений Советов усиленно раздувалась французским послом Herbette'ом (см. raport St.Patka do Ministra Spraw Zagranicznych (Moskwa, 19.01.1930) и raport J.Kowalewskiego do Szefu Oddziału II Sztabu Głównego (Moskwa, 21.01.1930) // ЦХИДК. Ф.308.Оп.19.Д.28.Лл.1-6, 11-12, а также raport J.Kowalewskiego do Szefu Oddziału II Sztabu Głównego (Moskwa, 15.09.1930) // Там же. Лл.82-84.). В начале марта 1930 г. секретарь польской миссии в Москве в ответ на запрос английских коллег о причинах "alarmow co do rzekomego zagrożenia Besarabji" заявил, с одной стороны, "iz Poselstwo R.P. w Moskwie nie rozpowszechniało w tej sprawie nipojojacych informacji" i nawet "ocenia ono sytuację z zupełnym pokojem", а с другой, "podkreślił bardzo stanowczo, że Sowiety dokonali w ciągu ostatniego półrocza szeregu posunięć o charakterze wybitnie antyrumuńskim" ("Rozmowa z członkiem Ambasady Angielskiej w sprawie Besarabji" (ref. A.Poninski), Moskwa, 11.3.1930 // AAN.Ambasada RP w Moskwie. T.24. Str.8-9).

⁶⁰ Szef Oddziału II plk. Tadeusz Pelczynski не смог прибыть из-за болезни своего ребенка.

⁶¹ Осенью 1930 г. ген. Сальский сменил А. Ливицкого в качестве главы эмигрантского правительства UNR.

⁶² Raport "Sprawy ukraińsko-kozaćkie", 28.1.30 // CAW. 1774/89/314. S.33/1-33/4. Raport adresowany "Panu Pułkownikowi" (возможно, szefu Oddziału II T. Pelczynskiemu). Подпись неразборчива; вероятно, автором доклада является kpt. Edmund Charaszkiwicz, szef Expozitory 2 (dywersja) Oddziału II.

⁶³ См. List R. Smal-Stockiego do "Pana Kapitana" (Charaszkiwicza), 21.1.1930 // Ibid. S.66-67.

odpowiedz на просьбу украинцев⁶⁴. По характеру рассматривавшихся проблем и по своему составу konferencja далеко выходила за рамки текущей прометейской работы. Отсутствие на этой встрече ведущих деятелей Prometeusza (например, Stanislaw Siedleckiego или Leona Wasilewskiego⁶⁵) и участие в ней Славека и Венявы-Длугошевского придавало совещанию характер важной государственной акции, проводимой по поручению Маршала. Есть поэтому основания предположить, что эта konferencja не была единичным событием, и в правительственных и военных кругах делались и иные приготовления к ewentualnoj aktywizacji польской политики на Востоке⁶⁶.

Польские правительственные органы, прежде всего MSZ, продолжали рутинную работу над регулированием различных аспектов отношений с СССР⁶⁷. Этому, впрочем, необязательно противоречит свидетельство немецкого посланника Раушера, о вырвавшейся у Залеского жалобе на окружение Пилсудского: "Они требуют у меня проведения программы 1774 г., но я спрашиваю, где условия для этого?"⁶⁸ В Москве со всей серьезностью отнеслись к более, чем двусмысленной декларации в "Gazecie Polskiej" 25 февраля: "Во имя нашей безопасности мы должны внимательно наблюдать за положением в СССР. Мы не имеем права позволить, чтобы красная волна, поднимающаяся в Советском Союзе, застала нас неподготовленными ко всем неожиданностям и возможностям"⁶⁹. Одновременно Пилсудский распорядился вызвать посланника St.Patka і военного атташе J.Kowalewskiego в Варшаву и 6-7 марта очень долго беседовал с ними⁷⁰. Москва терялась в догадках относительно "окончательного решения" непредсказуемого Маршала Польши.

Боевая готовность, пропаганда и поиски detente

На рубеже февраля-марта 1930 г. одновременно с надломом политики коллективизации кризис в отношениях СССР с внешним миром, вылился в "военную тревогу" – серию мер, направленных на предотвращение (а при необходимости – отражение) военно-политического вмешательства Польши.

В ретроспективе мысль о том, что в 1930 г. вооруженные силы Польши были способны составить сильную конкуренцию Красной Армии, может выглядеть гротескной. По действовавшему

⁶⁴ Ссылаясь на политические соображения и технические условия, Charaszkiwicz предлагал организовать передачи из Lwowa, что вызвало возражения Smal-Stockiego. В итоге было решено, что детали будут согласованы после представления украинцами письменного плана организации радиопередач. По-видимому, такие радиопередачи были в течение февраля организованы. ГПУ УССР отмечало, что поляки "усилили не только шпионаж, но и контрреволюционную агитацию вплоть до использования радио" (Докладная записка председателя ГПУ Украины В.Балицкого секретарю ЦК КП(б)У Картвелишвили о событиях в Шепетовском округе, 3.03.1930 // Валерій Васильев, Лінн Віола. Указ. соч. С.195).

⁶⁵ Por. wykaz "Wazniejsi dzilacze prometeuszowy", подготовленный для szefa Oddzialu II перед его совещанием (konferencja) s T. Schaetzlem в августе 1934 г. (CAW 1774/89/202. S.1-5).

⁶⁶ Военные атташе Великобритании (подполковник Martin) и Италии (полковник Roatta) в марте-апреле 1930 г. были информированы о получении Главным штабом инструкций, ориентирующих на том, что СССР представляет более непосредственную угрозу для Польши, нежели Германия. Более конкретное содержание данных Пилсудским указаний неизвестно (см. Jonathan Haslam. Op.cit. P. 29, 131 (note 40). Ср.: Henryk Bulhak. Polska-Francja. Z dziejow sojuszu 1922-1939. Cz. 1 (1922-1932). Warszawa, 1993. Str.271, 304 (przyp.218).

⁶⁷ В этой связи показательна конференция представителей ministerstwa robot publicznych, ministerstwa rolnictwa, MSW, MSZ, Sztabu Glownego i Dowodztwa KOPa по подготовке соглашения о режиме польско-советской границы, дискуссии о чем начались в 1929 г. и продолжались до 1933 г. (см. Protokol konferencji miedzyministerialnej w MSZ w sprawach granicznych polsko-sowieckich, Warszawa, 27.02.1930 // ЦХИДК. Ф.308.Оп.19.Д.492. Лл.78-81).

⁶⁸ Дневник полпреда СССР в Польше, 1.02. 1930 // АВП РРФ. Ф.09. Оп.5. П.44.Д.34.Л.15 (сообщение Раушера Антонову-Овсеенко). Большинство аккредитованных в Польше дипломатов в феврале-марте 1930 г., напротив, убеждали советскую миссию в Варшаве в том, что Польша слишком погружена в собственные заботы, и не придавали большого значения антисоветской кампании в польской печати.

⁶⁹ Передовая статья "Грозная волна", цитируется по: Польские милитаристы мечтают о крестовом походе против СССР. Опасения за судьбу кулаков // Известия. 26.02.1930 (курсив мой).

⁷⁰ Согласно рассказу Патеку, 6 марта Пилсудский говорил с ним около двух часов, а 7 марта состоялась столь же продолжительная встреча маршала с военным атташе в СССР. (Дневник полпреда СССР в Польше, 7.03.1930 // Там же. Л.42).

на начало 1930 г. мобрасписанию N 10 СССР должен был выставить 100 стрелковых дивизий, тогда как наиболее смелый план *rozbudowy mobilizacyjna Wojska Polskiego* предусматривал *osiagniecie 60 dywizji rechoty* лишь к 1935 г.⁷¹ Однако в Штабе РККА полагали, что реальный мобилизационный потенциал Польши существенно выше, чем учтенный в планах военного министерства, и не забывали, что по штатам военного времени дивизия РККА уступает польской в численности и вооружении. Еще более существенным для определения в Москве сравнительных военных возможностей СССР и Польши являлся постулат: "на главнейшем западном театре мы должны считаться с блоком Польши, Румынии, Финляндии, Эстонии и Латвии, поддерживаемом в первую очередь Францией"⁷². Согласно подсчетам II (Организационно-мобилизационного) Управления Штаба РККА, против 1708-тысячной польской и 1044-тысячной румынской армий СССР по мобилизации мог поставить под ружье 3 023 тысяч.⁷³ В случае войны на Западе, значительную часть сил пришлось бы направить на усиление прикрытия южных и восточных границ СССР. Штаб РККА не уставал сожалеть, что созданная в Царстве Польском сеть стратегических дорог досталась Польше, помогая ей предупредить СССР с мобилизационных перевозках и развертывании. Поэтому Красная армия не могла рассчитывать на численное превосходство над союзными польско-румынскими силами, в особенности, в начальный период военных действий.

В перспективе нескольких лет советские вооруженные силы (как то предусматривалось постановлением Политбюро 1929 г. «О состоянии обороны СССР») должны были достичь преимущества над вероятным противником в двух-трех основных видах военной техники. К наступлению весны 1930 г. положение с реализацией этих задач было, однако, безрадостным (например, в марте 1930 г. Реввоенсовет СССР констатировал, что танковая программа 1928-1929 г. была выполнено на 20%, а за полгода осуществления программы танкостроения 1929-1930 г. еще "ни одного танка окончательно не сдано"⁷⁴), тогда как польская армия, по оценке Ворошилова, уже успела обновить свои системы артиллерийского вооружения и располагала некоторыми "новейшими средствами борьбы".⁷⁵

Другим важным аспектом соотношения сил на западных рубежах СССР было "политико-моральное состояние" Красной Армии. Современниками и историками было высказано немало правдоподобных утверждений о разрушительном влиянии коллективизации 1929-1930 г. на дух советской армии, о назревании оппозиционных настроений в красноармейской и командирской среде⁷⁶. Тем не менее, на базе аутентичных документов этот вопрос далеко не решен⁷⁷, и поэтому в точности неизвестно, как военно-политическое руководство СССР оценивало степень надежности Красной армии. Судя по апрельскому докладу Особого отдела Украинского военного округа, положение в расквартированных на Украине регулярных частях, хотя и не давало оснований для самоуспокоенности, успешно контролировалось военными органами ОГПУ. Поведение же переменного

⁷¹ Piotr Stawecki. *Polityka wojskowa Polski. 1921-1926*. Warszawa, 1981. Str.72.

⁷² Доклад Начальника Штаба РККА Б.М.Шапошникова в РВС СССР, 3.04.1930 // РГВА. Ф.7.Оп.10.Д.1055. Л.16.

⁷³ Сравнительная численность личного состава по военному времени, [март-апрель 1930] // Там же. Д.994. Л.18.

⁷⁴ Постановление РВС СССР "О положении с танкостроением", 21.3.1930 // Там же. Ф.4.Оп.1.Д.963.Л.34.

⁷⁵ Стенограмма доклада Наркомвоенмора Ворошилова на собрании начсостава Московского гарнизона, 3.11.1930 г. // РЦХИДНИ. Ф.74. Оп.2. Д.111. Л.8-9. Анализ состояния вооруженных сил Польши и ее мобилизационных возможностей см. С. Новогрудский. Подготовка Польши к войне // Известия.11.03.1930 (за этим псевдонимом скрывался один из высокопоставленных сотрудников IV Управления Штаба РККА, возможно, Б.Бортновский или А.Никонов).

⁷⁶ Так, польская миссия в Москве информировала MSZ в конце марта 1930 г.: "W roznych srodowiskach sowiecko-komunistycznych twierdza uporzeczywie, ze Stalin nie napisal swego programowego artykulu samorzutnie, a ze uczynil to dopiero na skutek usilnych perswazji Woroszylowa, ktory przedstawil mu z calym naciskiem niechec czerwonej armji do ostrego kursu kolektywizacji i zwrocil jego uwage na liczne uchwalony poszczegolnych formacji wojskowych, zapowiadajace wstrzymanie sie od czynnego popierania tej polityki" (Referat A. Poninskiego "Nastroje w sferach sowieckich w stosunku do Stalina", 25.3.1930 // AAN. Ambasada RP w Moskwie. T.39. Str.318).

⁷⁷ Половинчатость результатов усилий по прояснению проблемы отчетливо проявилась в работе Rogera R. Rees'a "Red Army Opposition to Forced Collectivisation, 1929-1930: The Army Wavers" (Slavic Review, vol. 55, no 1 (Spring 1996)).

состава (периодически привлекаемого на военные сборы) и призываемых в случае войны контингентов было малопредсказуемым. Отмечались случаи, когда "переменники" участвовали в крестьянских волнениях и даже руководили последними. Менее впечатляющим, но, возможно, более опасным симптомом были поведение некоторых "переменников" при создании колхозов: исправно проголосовав за стопроцентную запись, они затем под разными предлогами наотрез отказывались подавать соответствующие заявления.⁷⁸ Против кого направили бы оружие эти "переменники" или другие мобилизованные крестьяне, разразись весной 1930 г. война с Польшей, вероятно, навсегда останется загадкой.

Партийно-государственное и военное руководство, разумеется, не могло ограничиться такой констатацией и было вынуждено учитывать самые мрачные варианты развития вооруженного конфликта. В связи с этим обращают на себя внимание два обстоятельства. В январе 1930 г. командование Украинского военного округа перешло от установки минных заграждений на приграничных участках к созданию партизанских баз⁷⁹. Подготовка Советами партизанских отрядов для действий на советской территории, в тылу наступающего противника, предполагала пессимистический сценарий операций начального периода войны, сомнения в возможности перенесения боевых действий в пределы Румынии и Польши. О неуверенности в боевых возможностях Красной армии свидетельствует и обсуждение руководством Наркомата обороны целесообразности создания особых коммунистических отрядов⁸⁰. По всей вероятности, ни руководство СССР, ни высший командный состав РККА не были склонны bagatelizowac военные возможности Польши в случае, если бы она решилась использовать внутренний кризис Советов для прямого вмешательства.

С последних дней февраля ситуация на польском участке "фронта антисоветской кампании" (по тогдашнему советскому выражению) обострилась. Сообщение полпреда в Варшаве о том, что давно ожидавшееся Москвой ужесточение тона польской прессы наступило, легло на столы не только руководителей НКВД, но и Сталина и Ворошилова⁸¹. В НКВД соглашались, что речь идет о "серьезной, и по-видимому, рассчитанной на длительный срок антисоветской кампании", и уже в конце февраля Антонов-Овсеенко получил указания побудить MSZ сдерживать размах антисоветских выступлений, действуя при этом от себя лично и без ссылки на инструкции Москвы. 1 марта полпред СССР предстал перед Залеским, чтобы просить разъяснений относительно развернувшейся с конца февраля "травли СССР", ибо "печать правительственного блока дошла до прямых призывов к интервенции, а "Gazeta Polska" формулировала позицию "превентивной войны"⁸². Министр обещал воздействовать на печать и принять "возможные меры" против устройства антисоветских демонстраций, но, докладывая Антонов-Овсеенко 10 марта, "окраинная печать держится прежнего крайне агрессивного тона" и "из печати кампания перелилась на улицу". Он не сомневался, что Маршал "благословил" антисоветские собрания и митинги, проводившиеся при молчаливом поощрении Министерства внутренних дел. Источники варшавского полпредства сообщали, что "непосредственных

⁷⁸ Подробнее см.: Докладная записка Особого отдела Украинского военного округа об отрицательных моментах реагирования военнослужащих на коллективизацию сельского хозяйства и ликвидацию кулачества (за период с 1 по 25.3.1930), 3.04.1930 // Валерий Васильев, Линн Виола. Указ соч.С.443-452.

⁷⁹ Хорошо информированный мемуарист объяснял это начинание тем, что "Центральный Комитет партии, учитывая возможность внезапного нападения империалистов на нашу страну, поручил Наркомату обороны и Генеральному штабу Красной Армии заблаговременно осуществить ряд важных мероприятий". (И.Г.Старинов. "Граница должна быть на замке" // Командарм Якир. Воспоминания друзей и соратников. М., 1963.С.192. Изложенная И.Г.Стариновым версия событий не претерпела изменений в нескольких последующих изданиях его воспоминаний.)

⁸⁰ Секретарская запись, 9.4.1930 // РГВА. Ф.4. Оп.1.Д.1413.Л.2-4об.

⁸¹ См. Письмо Антонова-Овсеенко Стомонякову, Варшава, 2.3.1930 (с пометами Стомонякова от 4.03.1930) // АВП РФ. Ф.0122.Оп.14.П.149.Д.1.Л.28. Телеграфная переписка между Москвой и советскими миссиями за рубежом остается недоступной; несомненно, об активизации кампании против Советов полпред впервые сообщил в Москву много раньше 2 марта.

⁸² Запись беседы полпреда СССР в Польше с министром иностранных дел Польши Залесским, 1.03.1930 // ДВП СССР. Т.13.С.119. При публикации документа, в оригинале озаглавленного "Приложение к дневнику полпреда. Разговор с Залесским 1-го марта", был опущен последний абзац (о протесте варшавских раввинов) и внесена несущественная редакционная правка. По распоряжению Стомонякова 4 марта копия этой записи была направлена Сталину, а на следующей день – председателю ВУЦИК Петровскому (АВП РФ. Ф.09.Оп.5. П.44. Д.34. Л.33).

военных приготовлений в Польше незаметно", и все же Пилсудский еще "не сказал решающего слова"⁸³.

В последний день февраля советский официоз, долгое время проявлявший сдержанность (если не считать перепечатки речей депутатов-коммунистов в Сейме), дал первый пропагандистский залп по польским позициям. Номер "Известий" от 28 февраля открывался заголовком "Польские сенаторы в роли защиты угнетенных христиан". В редакционном комментарий по поводу интерpellации христианского демократа Тюлле, в которой присоединились основные фракции Сената, впервые определенно заявлялось: "Антисоветское выступление польских сенаторов... заказано свыше: оно инспирировано теми правительственными кругами, которые в своей прессе цинично говорят о необходимости превентивной войны против СССР для того, чтобы сорвать наше хозяйственное строительство и заодно реализовать свои империалистические планы". Речь шла о "призыве польского официоза к превентивной войне" – передовой в "Gazecie Polskiej", опубликованной еще 20 февраля. Размышления над ней, заняли, таким образом, целую неделю, и побудили Кремль занять жесткую позицию: "Польские милитаристы открыто предлагают свои услуги более крупным державам в качестве авангарда крестового похода [...] Провокационные выпады польских милитаристов и их социал-фашистских союзников не застанут нас врасплох. Если они осмелятся вмешаться в наши внутренние дела, они встретят сокрушительный отпор"⁸⁴. Под заголовком "Польша, Германия и СССР. Закулисная сторона германо-польского договора" (и с тем же характерным запозданием) "Известия" излагали предположения "Welt am Abend" (от 24 февраля) о стремлении английской дипломатии "обеспечить безопасность Польши со стороны Германии в случае нападения на Советский Союз". Официоз обвинял германские политические круги в том, что они рассматривают польско-германское соглашение "как важный элемент антисоветского фронта". Польское руководство прямо не затрагивалось, но, как явствует из контекста редакционной статьи, завершающий ее призыв к "советской общественности" бдительно "следить за развивающимися событиями", был адресован прежде всего Варшаве. В промежутке между этими предупреждениями было помещено опровержение сообщений "о происходящей якобы концентрации частей Красной армии на румынской границе". На протяжении последующих двух недель поведение польских правительственных и военных кругов оставалось в фокусе внимания центральной советской печати. Советская пропаганда информировала прежде всего о польских выступлениях против "антирелигиозной кампании" в СССР и о фактах ущемления национальных прав украинцев, религиозных чувств православных и евреев в Польше. Все это было призвано скрыть то обстоятельство, что "особое внимание" и беспокойство Москвы вызывало "заострение этой кампании на происходящем у нас процессе «раскулачивания»"⁸⁵.

Растущую недружественность Германии (вплоть до присоединения к "антисоветскому фронту") и открытую враждебность Франции (к волне критики советской политики в конце февраля присоединился и президент Пуанкаре) лишь отчасти компенсировала благоприятная для Советов пассивность лейбористского правительства. Направляя громы и молнии в Stanley Baldwin'a и архиепископа Canterburyjskiego, Москва с признательностью воспринимала отстраненность кабинета Макдональда от "сговора" ведущих континентальных государств. В Польше существует сильное настроение в пользу того, чтобы использовать подходящий момент для нападения на Советский Союз, хотя и неясно, какую именно форму может оно принять, говорил Литвинов британскому послу в ходе их встречи 10 марта, поэтому пример, подаваемый Англией, имеет чрезвычайное важное значение⁸⁶. Наиболее емко мысли и страхи, обуревавшие советское руководство в те дни, выразил член Политбюро нарком Ворошилов, писавший в своему заместителю (в недавнем прошлом – руководителю КП(б) Белоруссии) Яну Гамарнику: "Внешнее положение Советского Союза к весне 1930 г.

⁸³ Письмо Антонова-Овсеенко Стомонякову, 10.3.1930 // АВП РФ. Ф.0122. Оп.14. П.149.Д.1.Л.36.

⁸⁴ Польские сенаторы в роли защитников угнетенных христиан; Современник. Международный обзор // Известия. 28.02.1930.

⁸⁵ Письмо Стомонякова Антонову-Овсеенко, Москва, 7.03.1930 // Там же. Д.2. Л.25. Сам Стомоняков интерпретировал сосредоточенность польской прессы на коллективизации сравнительно миролюбиво: "Здесь, очевидно, имеется ввиду воздействие на польское [sic] крестьянство, особенно на Западной Украине и в Западной Белоруссии не только с целью подготовки на случай эвентуальной войны, но также и "для внутреннего употребления", ввиду недовольства крестьян в Польше своим положением" (там же).

⁸⁶ HM Ambassador E.Ovey to Foreign Secretary A.Henderson, Moscow, 10.3.1930 // DBFP. 2nd ser. Vol.VII. P.115.

складывается далеко неблагоприятно. Ложная информация в ино[странной] печати среди буржуазных политических и общественных деятелей о нашем внутреннем положении в связи с коллективизацией сельского хозяйства, раздутые до невероятных размеров сплетни о гонениях на религию в СССР, надежды на кулака, на крестьянские волнения и т.д. и т.п., разжигают страсти в некоторых крайних кругах милитаристов. Острейший экономический кризис в Польше и Румынии и общая неустойчивость политического положения внутри капиталистических стран вообще, создает [sic] благоприятную обстановку для военных авантюр"⁸⁷.

11 марта, впервые за много месяцев, «Правда» посвятила свою передовую статью польской политике, ибо, как говорилось в ней «фашистская Польша начинает играть всерьез с огнем антисоветской агрессии»⁸⁸. В тот же день членам Политбюро было разослан на утверждение проект постановления, озаглавленный "Об Украине и Белоруссии". Документ, несомненно, исходивший от генерального секретаря ЦК ВКП(б), открывался заявлением: "По имеющимся данным есть основание предположить, что в случае серьезных кулацко-крестьянских выступлений в правобережной Украине и Белоруссии, особенно в связи с предстоящим выселением из приграничных районов польско-кулацких и контрреволюционных элементов, – польское правительство может пойти на вмешательство". "Во избежание всего этого, – говорилось в предложенном Сталиным решении, – ЦК считает нужным дать ЦК КП(б)У и ЦК КП Белоруссии, а также соответствующим органам ОГПУ следующие директивы: 1) директиву ЦК от 10 марта о борьбе с искривлениями партийной линии в деревне проводить со всей решительностью особенно в приграничных округах Украины и Белоруссии; 2) сосредоточить внимание как в смысле политической работы, так и в смысле военно-чекистской подготовки на том, чтобы не были допущены какие бы то ни было выступления антисоветского характера в приграничных округах Украины и Белоруссии; 3) перебросить в приграничные округа в недельный срок достаточное количество опытных партийных работников за счет других округов на помощь местным организациям; 4) усилить в приграничных округах количественно и качественно в недельный срок оперативный состав и маневровые войсковые группы ОГПУ за счет других резервов ОГПУ; 5) операцию ареста и выселения кулацко-польских контрреволюционных элементов подготовить со всей тщательностью и провести в максимально короткие сроки; 6) операцию выселения кулацко-польских элементов провести максимально организованно и без шума; 7) основное задание: предупредить какие бы то ни было массовые выступления в приграничных округах". С текстом этой "особо секретной" директивы разрешалось ознакомить "только членов Политбюро ЦК КП(б)У и Бюро ЦК Белоруссии и ПП ОГПУ Балицкого и Раппопорта"⁸⁹.

Упомянувшееся в тексте резолюции выселение "польско-кулацких элементов" имело свою политико-бюрократическую предысторию. 20 февраля 1930 г. Литвинов поставил перед Политбюро вопрос "о кулаках-иностранцах", и через несколько дней по докладу специально созданной комиссии Политбюро согласилось ввести ряд послаблений для иностранных подданных, попавших в жернова коллективизации. Комиссии, пополненной Косиором, Голодедом и Ягодой, поручалось "особо рассмотреть и доложить Политбюро вопрос о польских селениях в пограничных областях"⁹⁰. На заседании Политбюро 5 марта (проходившем под председательством Секретаря ЦК Молотова), был утвержден предложенный комиссией проект решения "по вопросу о польских поселениях" (вернее – о выселениях) в пограничных областях Белоруссии и Украины⁹¹. Это постановление, последовавшее за попыткой справиться с "головокружением", явилось последним актом форсированного наступления на крестьянство в начале 1930 г. и вместе с тем, первой акцией в ряду политико-военных приготовлений на границе с Польшей. Как явствует из решения Политбюро от 11 марта, Сталин и его коллеги допускали, что выселение польских крестьянских семей может спровоцировать Варшаву на прямое вмешательство, и вместе с тем считали, что для его предотвращения необходима "очи-

⁸⁷ Письмо Наркомвоенмора Ворошилова Начальнику ПУР РККА Гамарнику, Москва, 17.3.1930 ("только лично в руки", "совершенно секретно") // РЦХИДНИ.Ф.74.Оп.2.Д.93.Л.39).

⁸⁸ Новая волна антисоветской травли // Правда. 11.3.1930.

⁸⁹ Протокол ПБ ЦК ВКП(б) N 121 от 25.3.30 (особый N 119), п.72 (опросом от 11.30.1930) // РЦХИДНИ.Ф.17. Оп.162. Д.8. Л.114.

⁹⁰ Протокол ПБ ЦК ВКП(б) N 118 от 25.2.1930, пп. 6,50 // Там же. Оп.3.Д.777.Лл.2-3.,10).

⁹¹ Протокол ПБ ЦК ВКП(б) N 119 от 5.3.30 (особый N 117), п. 5. и приложение N 2 // Там же. Оп.162. Д.8. Л.103,109-110.

стка" пограничья от "польско-кулацких и контрреволюционных элементов"⁹². Наряду с партийно-административными и чекистскими мерами⁹³, верхушка Политбюро (к которой принадлежал наркомвоенмор Ворошилов) сочла необходимыми и чисто военные приготовления.

18 марта, в девятую годовщину подписания Рижского договора, Реввоенсовет СССР в полном составе (и с участием комвойсками трех западных округов и командующего Черноморским флотом) на особом заседании рассмотрел вопрос "О мероприятиях по усилению обороны, связанных с наступлением весны 1930 г."⁹⁴. Судя по письму Ворошилова Начальнику Политуправления Красной армии, обсуждавшиеся на Реввоенсовете (а также предпринятые по указанию наркома еще до 18 марта) меры были направлены на то, чтобы "без всякого шума, в порядке усиленной текущей работы, принять надлежащие меры для приведения в боеготовность войсковых частей и для поддержания этой боеготовности на должной высоте в течение всего лета 1930 г."⁹⁵. 23 марта Наркомат по военным и морским делам направил в западные военные округа специальную директиву по укреплению обороноспособности пограничных районов⁹⁶. В марте-апреле 1930 г. военное руководство обсуждало и иные шаги по подготовке к войне.⁹⁷ Развернутая с середины марта перестройка "всей политико-просветительской работы" охватила не только Белорусский, Ленинградский и Украинский округа, но и все части Красной армии. Высшее военно-политическое руководство и было особенно озабочено тем, чтобы эта "перестройка происходила незаметно для частей и, доходя до них в отдельных элементах, в общем дала бы определенные результаты".⁹⁸ Тем более строгий запрет был наложен на любые действия, способные вызвать огласку военных приготовлений и осложнения в советско-польских отношениях⁹⁹. В середине марта 1930 г. в Москве была спешно выпущена брошюра Ворошилова "Будет ли война?". Она не содержала необычных откровений или обвинений по адресу западных соседей. Значение изданной двухмиллионным тиражом пропагандистской

⁹² О такой внутренней мотивации решения свидетельствует, в частности, то обстоятельство, что месяцем ранее ни союзные, ни украинские власти считали невозможным в близком будущем проведение сплошной коллективизации и раскулачивания в национальных районах и селах (в том числе – польских), поскольку "труднощі в організації колгоспів у цих районах значно більші, ніж в українських селах" (См. об этом: Письмо ЦК КП(б)У "О мерах по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации" ко всем окружкам и райкомам КП(б)У, 2.02.1930 // Валерий Васильев. Лінн Виола. Указ.соч. С.149-150. Одним из непосредственных толков к принятию решения 5 марта могли явиться массовые нарушения государственной границы в конце февраля–начале марта. 4 марта Holowko оценивал число беженцев, прибывших в Польшу из СССР примерно в 300 человек за последние десять дней, несколькими днями позже Jozewski говорил полпреду об "около 200" беженцев с начала марта (Дневник полпреда СССР в Польше, 7 и 10.03.1930 // АВП РФ. Ф.09.Оп.5. П.44. Д.34. Лл.37, 46). Национальный состав беженцев выяснить не удалось.

⁹³ В частности, в апреле 1930 г. открылось половодье постановлений высших партийных и государственных органов СССР (дублировавшиеся затем на местном уровне) о разнообразных мерах по стабилизации социально-политической и хозяйственной ситуации пограничных районов. Эта тема заслуживает отдельного рассмотрения.

⁹⁴ Протокол заседания РВС СССР 18.3.1930 // РГВА. Ф.4. Оп.1. Д.1413.Л.1. Протокол не имеет соответствующего номера и хранился отдельно от протоколов РВС за 1930 г. О принятых постановлениях документ умалчивает ("Решения – особо секретные (хранятся в Секретариате Председателя РВСС)").

⁹⁵ Письмо наркомвоенмора Ворошилова начальнику ПУР РККА Гамарнику, 17.3.1930.

⁹⁶ Точное содержание директивы установить не удалось. О ней упоминается в более позднем документе по оборонным мероприятиям в приграничных районах (Директива заместителя начальника Штаба РККА Левичева начальникам штабов БВО, УВО, МВО, КВО, ПриВО, ОКДВА и ККА, 7.7.1930 // Российский государственный архив экономики. Ф.4372. Оп.91. Д.611. Л.60).

⁹⁷ Использованное архивное дело (РГВА. Ф.4.Оп.1.Д.1413) имеет заголовок "О мероприятиях по усилению обороны" и содержит, в частности, материалы совещания руководителей НКВМ 9 апреля 1930 г. об организации коммунистических отрядов.

⁹⁸ Письмо Наркомвоенмора Ворошилова Начальнику ПУР РККА Гамарнику, 17.3.1930.

⁹⁹ В конце февраля 1930 г. Ян Нейман, секретарь Польского бюро Отдела культуры и пропаганды ЦК ВКП(б) обратился к Ворошилову с предложением "организовать работу среди бывших красноармейцев, командиров и политработников первого польского революционного полка и Западной дивизии". После совещания с Начальником ПУР РККА Гамарником Ворошилов отказался реализовывать такие проекты (см. Сообщение Орлова Я.Нейману, Москва, 2.3.1930 // Там же. Ф.9. Оп.29с. Д.10. Л.24).

брошюры, как верно подметили представители Sztabu Głównego в Москве, состояло в обработке массового сознания в духе необходимости милитаризации *wielu dziedzin życia*¹⁰⁰.

Все советские военные приготовления были хорошо укрыты, и судя по изученным документам, польские военные и дипломаты остались в неведении относительно предпринятых Москвой специальных мер. Сообщения о переброске войск и приведении их в повышенную готовность konsul RP w Kijowie Mieczysław Babinski характеризовал как повторяемые из года в год "весенние" слухи. Он соглашался с тем, что "pogłoski wojenne znajdują swe poparcie w przeprowadzaniu dalszych fortyfikacji około Kijowa oraz nadejściu nowych oddziałów wojskowych", но объяснял это подготовкой к военным учениям, тем более, что некоторые из появившихся в окрестностях Киева новых oddziałów были переброшены из приграничных районов¹⁰¹. В Москве, однако, не могли скрыть своего напряженного ожидания военных акций со стороны Польши, которое побуждало с доверием воспринимать непроверенные донесения на этот счет. 19 марта Литвинов пригласил в НКВД советника посольства Польши A. Zielezinskiego, и сообщил ему, что w nocy z 16 na 17-ty marca trzy polskie aeroplany przyleciały na terytorium sowieckie. По поступившим от Ворошилова сведениям, они wleciały na terytorium sowieckie po linii Korosten i dotarły mniej więcej 70 wiorst od Kijowa. Litwinow "prosił o wyjaśnienie", podkreśliwszy, że "taki fakt wywołuje niewątpliwe bardzo ujemne wrażenie i sprządza niepotrzebne nastroje wśród ludności na Ukrainie"¹⁰². 20 марта MSZ поручило миссии в Москве заверить советские власти, "w formie całkiem kategorycznej", że "ani w dacie powyższej ani też uprzednio żaden wogóle aeroplan nie latał w pasie granicznym, a tym bardziej nie przelatywał przez granicę polsko-sowiecką na terytorium ZSSR", а затем (надо полагать, по указанию Маршала) выступило с требованием наказать виновных в создании ложной паники. Заявление Патека на этот счет обескуражило Литвинова, который принял на себя ответственность за поспешное обращение с запросом к Польше¹⁰³.

Параллельно Советами была развернута организационно-правовая проработка действий государственного аппарата на случай войны. 25 марта, вслед за союзным Совнаркомом и по его представлению, Президиум ЦИК СССР утвердил порядок установления территории театра военных действий (ТВД). "Совершенно секретное" постановление ЦИК и СНК СССР содержало перечень территорий, на которых вводился режим ТВД, в соответствии с различными сценариями нападения на Союз. Наиболее вероятными признавались следующие варианты: 1) "Выступление всех западных соседей Союза ССР" (ТВД включает на территории РСФСР Архангельский и Няндо́мский округа Северного края, Карельскую и Крымскую АССР, Ленинградскую и Западную область, всю территорию УССР и БССР); 2) нападение со стороны Польши и Румынии при нейтралитете Финляндии, Эстонии и Латвии (по сравнению с первым вариантом из ТВД исключались Карелия, округа Северного края и Мурманский округ Ленинградской области). Кроме того, допускалось, что нападение со стороны западных соседей СССР будет поддержано появлением в Черном море флота Антанты и высадкой десанта на Черноморском побережье¹⁰⁴.

Продолжился пересмотр тактических установок советской внешней политики и дипломатии. Маневры по разрядке напряженности в отношениях с Польшей, инициированные Литвиновым на рубеже 1928-1929 гг. и пресеченные Политбюро весной 1929 г., в начале 1930 г. были развернуты вновь и вплотную подвели советское руководство к возобновлению переговоров о пакте ненападения. В середине февраля, после дискуссий над осложнившимися взаимоотношениями СССР с континентальными европейскими странами, Наркомат по иностранным делам пришел к выводу о необ-

¹⁰⁰ Zob. Marian Leczyk. *Polska i sąsiedzi. Stosunki wojskowe 1921-1939*. Białystok, 1997. Str. 265.). "Польская проблематика" затрагивалась в ней с крайней осторожностью и вызвала сравнительно умеренные жалобы со стороны членов польской миссии (См. Запись беседы замнаркома иностранных дел М.М.Литвинова с посланником Польши в СССР С.Патеком, 18.4.1930// ДВП СССР. Т.13. М., 1971. С.227).

¹⁰¹ Raport konsula RP M.Babinskiego do ambasadora S.Patka, Kijow, 12.4.1930 // CAW. 1775/89/1026. Str.17.

¹⁰² Pro memoria A. Zielezinskiego, 21.3.1930 // AAN. Ambasada RP w Moskwie. T.59. Str.18-19.

¹⁰³ Raport S.Patka do MSZ, 27.3.1930 //Ibid. Str.20-22).

¹⁰⁴ Постановление ЦИК и СНК СССР "О порядке установления территории театра военных действий", 25.3.1930 // РГВА. Ф.4.Оп.1.Д.911.Л.18. Последние три из шести названных в нем вариантов определяли ТВД при "войне на Кавказе", "войне в Средней Азии" и "войне на Дальнем Востоке". Постановление определяло также порядок введения центральными властями режима ТВД и оповещения об особых постановлениях союзных ЦИК и СНК после начала войны (Там же. Л.18об.).

ходимости "усилить выдержку с нашей стороны и, поелику возможно, избегать всяких конфликтов, которые могли бы облегчить Польшу оправдание своей агрессии в отношении СССР перед общественным мнением Польши". Конструктивная часть новых директив полпредству в Варшаве состояла в том, чтобы, "исходя из тех же соображений, при разрешении всяких текущих вопросов показывать с нашей стороны максимально возможную лояльность и желание добрососедских отношений с Польшей".¹⁰⁵ К этим текущим вопросам относился прежде всего долгий спор о грузовом транзите в Персию. Поскольку по советскому законодательству транзит в Персию не являлся открытым (осуществлялся лишь на основании разовых лицензий или в соответствии с торговыми договорами, заключенными с СССР), Москва настаивала на том, что на грузовые перевозки в Персию (в отличие, например, от транзита в Японию) не распространяется положение Рижского договора о свободе транзита¹⁰⁶. Соответственно, Польше предлагалось для обеспечения ее свободного транзита в Персию вступить в торгово-договорные отношения с СССР, тогда как польские ведомства и "Левиафан" не считали актуальным заключение торгового договора с СССР. Это стало главным камнем преткновения на январской советско-польской конференции о заключении почтово-телеграфной конвенции¹⁰⁷. Продолжая считать "совершенно невозможной" уступку Польше в деле транзита в Персию до заключения польско-советского торгового договора, в НКИД занялись изучением вопроса о возможности предоставить Польше посылочный транзит взамен за урегулирование тарифов на советские перевозки по польским железным дорогам¹⁰⁸. Во-вторых, НКИД начал переговоры с другими советскими ведомствами о компенсации Польше за библиотеку Залусских (как то предусматривалось генеральным соглашением о реэвакуации культурных ценностей от 16 ноября 1927 г.). Наркомату торговли было рекомендовано "придать более регулярный характер выдачи нами заказов в Польшу, размещая их по возможности периодически" и, "главное, между возможно большим количеством поставщиков", чтобы повлиять на отношение к Советам со стороны широких деловых и общественных кругов¹⁰⁹. В последующие недели эти и сходные сюжеты двусторонних взаимоотношений оставались в поле внимания как Коллегии и I Западного отдела НКИД, так и советской миссии в Варшаве. Однако центр тяжести стал постепенно смещаться к полузабытой проблематике пакта ненападения.

Советы старались оживить эту тему таким образом, чтобы не выступить роли инициатора нового тура переговоров. Эта задача сопрягалась с усилиями влиять на общественное мнение Польши через непосредственные контакты варшавского полпредства с авторитетными польскими деятелями и политическими группами¹¹⁰. Устные инструкции Москвы ориентировали Антонова-Овсеенко прежде всего на "мобилизацию национальных демократов", остро реагировавших на польско-германское сближение. Однако эта деятельность оказалась "затруднена до крайности" "ослабленностью полпредства", в котором с конца 1929 г. оставались незаполненными вакансии первого

¹⁰⁵ Письмо Стомонякова Коцюбинскому, 17.02.1930 // АВП РФ. Ф.0122. Оп.14.П.149.Д.2.Л.20. Используемые Стомоняковым обороты позволяют утверждать, что изложенные им установки точно отражали соответствующее решение Коллегии НКИД СССР. Наряду с Литвиновым и Стомоняковым членами Коллегии в тот период являлись заместитель наркома Лев Карахан и заведующий Отделом печати Федор Ротштейн.

¹⁰⁶ См. письмо Стомонякова Коцюбинскому, 7.02.1930 // АВП РФ. Ф.0122. Оп.14.П.149.Д.2.Л.16-15.

¹⁰⁷ Протоколы всех восьми заседаний конференции, проходившей в Москве с 8 по 31 января 1930 г., а также итоговый raport przewodniczacego Delegacji Polskiej A.Zielezinskiego do MSZ (Moskwa, 27.02.1930) см. ЦХИДК. Ф.308.Оп.19.Д.493.Лл.51-88.

¹⁰⁸ "Колебания в этом вопросе возникли у меня исключительно по соображениям международного характера в связи с осложнениями последнего времени", – пояснял член Коллегии (Письмо Стомонякова Коцюбинскому, 7.02.1930). Соответствующее решение было принято Коллегией НКИД несколько позднее, в разгар советско-польского кризиса (см. Выписка из протокола N 22 Коллегии НКИД от 13.3.1930 // АВП РФ. Ф.0122. Оп.14.П.15.Д.16. Л.19).

¹⁰⁹ Письмо Стомонякова Коцюбинскому, 7.02.1930. Там же.

¹¹⁰ Еще при назначении нового полпреда в Москве высказывалась надежда, что в силу политического прошлого Антонова-Овсеенко, у него будет больше возможностей "завязать отношения с широким кругом политических деятелей", чем у предыдущих полпредов. Владимир Антонов-Овсеенко и вправду мог описать вручение верительных грамот главе государства в таких выражениях: "Говорили по-польски о прежней Варшаве, прежнем Дашинском, вооруженной демонстрации на Гжибовской площади и т.д." (Дневник полпреда СССР в Польше, 30.01.1930 // АВП РФ. Ф.09.Оп.5. П.44. Д.34. Лл.10).

секретаря, заведующего бюро печати, военного атташе¹¹¹. Прежде, чем полпредство сумело инспирировать национальных демократов, последние сами подтолкнули Советы к политической инициативе. 21 февраля, выступая в сеймовой комиссии по иностранным делам Станислав Строньски, остановился на том, что главные препятствия к заключению пакта ненападения между Польшей и СССР ослабевают, и обратился к министру с вопросом: "существует ли политика стремления к заключению договора о ненападении с СССР или о ней нужно говорить только в прошедшем времени"¹¹². Повторяя в конце февраля тезис о том, что "при нынешней международной обстановке мы еще больше, чем раньше заинтересованы в манифестировании нашей мирной политики в отношении Польши", член Коллегии НКВД поэтому добавил: "С этой точки зрения надо использовать выступление н.д. Стронского в Польском Сейме в пользу заключения советско-польского договора о ненападении. Эту цель преследовал официозный комментарий в "Известиях" к выступлению Стронского". В упомянутом Стомоняковым комментарии после анализа разногласий, обнаружившиеся со времени переговоров 1926 г., утверждалось: "все возражения, выдвинутые Польшей против предложения союзного правительства, не являются такими, из-за которых Польша могла бы отказаться от заключения договора о ненападении" и "для заключения такого договора нет препятствий, но не хватает только одного... доброй воли со стороны польского правительства"¹¹³. В последующие две недели в НКВД обсуждалась мысль воспользоваться предстоящей дискуссией в Сейме, "чтобы выдвинуть вновь в прессе или даже в официальном порядке вопрос о заключении такого пакта."¹¹⁴ 17 марта в полпредстве состоялся прием для ведущих деятелей национальной демократии – Ст. Строньского (которому оказывалось предпочтительное внимание), Ст. Козицкого и К. Ольшевского. "Мобилизовали Н.Д. вождей..., – докладывал полпред, – последние обязались вести кампанию за заключение договора о ненападении и торгового договора..."¹¹⁵.

Одновременно (вероятно, одним-двумя днями ранее) в Москве был сделан следующий шаг – было принято решение возобновить старое советское предложение Польше о заключении гарантийного договора. "Все дело теперь в том, – комментировал это решение Стомоняков, – чтобы найти такой подходящий случай, ибо повторение нашего предложения без подходящего повода могло бы

¹¹¹ Письмо Антонова-Овсеенко Стомонякову, 2.3.1930. Л.28.

¹¹² Польско-советские отношения. Националисты требуют, чтобы правительство объяснилось // Известия. 22.2.1930; Из выступления депутата С.Строньского, Варшава, 21.02.1930 // Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т.V (май 1926 г. – декабрь 1932 г.). М., 1967. С.453-454.

¹¹³ Договор с СССР о ненападении задерживается по вине Польши // Известия. 24.02.1930.] Член Коллегии поручал полпредству обратить внимание эндеков на этот комментарий в связи с предстоящими ответом Залеского, а также "при подходящих случаях" "подчеркивать нашу всегдашнюю готовность" к сотрудничеству с Польшей, заключению пакта неагрессии и торгового договора (Письмо Стомонякова Антонову-Овсеенко, 27.02.1930 // АВП РФ. Ф.0122.Оп.14.П.149.Д.2.Л.22).

¹¹⁴ Письмо Стомонякова Антонову-Овсеенко, 7.03.1930 // Там же. Л.24 (курсив мой). Стомоняков оговаривался, что, "конечно, все будет зависеть от характера ответа [Залеского] и дискуссии [в Сейме]" относительно польской политики на Востоке. Ни того, ни другого, как известно, не последовало.

¹¹⁵ Письмо Антонова-Овсеенко Стомонякову, 20.3.1930 // Там же. Д.1. Л.39. См. также: Дневник полпреда СССР в Варшаве, 17.03.1930 // Там же. Ф.09.Оп.5. П.44.Д.34.

Развернутое содержание оценок польской политики, которые руководители эндеции высказывали советским представителям в феврале-апреле 1930 г. неизвестно. О них (как и о влиянии этих оценок на московское руководство) можно отчасти судить по записи двухчасовой беседы полпреда с Р.Дмовским и по пометам, оставленным на документе Борисом Стомоняковым. Его внимание привлекли сообщения старого вождя национальной демократии о том, что "еврейская плутократия" в 1929 г. провела два совещания (с участием делегатов от Морганов, Ротшильдов и т.д.), на котором был принят "план расчленения СССР". По этому плану Польша получает Советскую Украину и отдает Германии Верхнюю Силезию. Другим тезисом Дмовского, вызвавшим одобрительные "NB" члена Коллегии НКВД, было утверждение, что "существеннейшую опасность для мира являет лично Пилсудский". "Узкий и одержимый манией величия, – говорил Дмовский Антонову-Овсеенко, – он никак не может отказаться от преследующей его идеи. Он ее постарался осуществить, но был выбит из Киева. Он не отказался и не откажется от нового похода. Он германской выучки и не дорожит землями на запад..." Понравилась Стомонякову и просьба Дмовского передавать ему материалы о подготовке Польшей войны против СССР, сопровождаемая обещанием: "Будем бороться сообща против войны" (Дневник полпреда, 15.05.1930 // АВП РФ. Ф.09.Оп.5. П.44. Д.34. Лл.100-104). По всей вероятности, и в предшествующие месяцы доверительные контакты с эндеками подпитывали подозрения Советов в отношении политики Пилсудского.

быть истолковано как наше "забегание" [sic] перед Польшей и как симптом паники"¹¹⁶. 18 марта "Известия" обратились к перспективам пакта ненападения между СССР и Польшей в передовой статье «Польша и СССР» (подготовленной, вероятно, в I Западном отделе НКВД¹¹⁷). Восточная политика Польши интерпретировалась в ней как политики экспансии, подготовки к войне, невзирая на настроения польской общественности. СССР, напротив, предложил Польше заключить о ненападении, и, заявлял советский официоз, «это предложение остается в силе».

На этой точке эволюция советской внешней политики и дипломатической тактики в отношении Польши надолго замерла. Для повторения предложения о пакте предполагалось использовать выступление Залеского в ответ на интерпелляцию Стронского. Такое выступление все откладывалось, к тому же в Москве считались с возможностью роспуска Сейма. Антонову предлагалось поискать "и другие возможности" (и немедленно сообщить о них в Центр), но ни в коем случае не начинать самому разговоров о пакте ненападения с поляками: "Надо всемерно избегать высказывать впечатление о том, что мы встревожены ситуацией и поэтому заинтересованы в заключении пакта о ненападении". Этот же подход рекомендовался и в отношении перспектив заключения торгового договора. Кроме непосредственных политических потребностей для такой тактики имелось, как минимум, еще одно веское объяснение: выступив в роли инициатора таких переговоров, Советам впоследствии пришлось бы либо проявлять повышенную уступчивость, либо принять на себя неблагоприятную роль виновника их срыва¹¹⁸. Таким образом, Москва фактически поставила свою дипломатическую линию в зависимость от поведения Варшавы.

Однако польские правительственные круги в середине марта оказались еще менее, чем прежде заинтересованы в проявлении собственной инициативы, прежде всего – из-за "крайнего возбуждения", вызванного откровениями на процессе по делу "СВУ"¹¹⁹. 13 и 16 марта в открытом заседании дал показания бывший член правительства УНР Андрей Никовский (которого Голувко считал провокатором ГПУ¹²⁰), и эти показания касались таких болезненных для Польши вопросов как назначение в 1920 г. Н. Jozewskiego – министра действующего польского правительства заместителем министра внутренних дел УНР или организация поляками рейда Тютюнника¹²¹. Не только провинциальная печать, но и советские дипломаты не скрывали, что заявления о том, что польское правительство содержит в Галиции "петлюровские кадры", относятся не только к прошлому, но и к настоящему¹²². Официальный протест, заявленный 17 марта Зелезинским в НКВД «против фактов, имевших место на процессе Ефремова», вызвал острую полемику со Стомоняковым и фактически не имел успеха. Лихорадящее воздействие на польско-советские отношения харьковский процесс про-

¹¹⁶ Письмо Стомонякова Антонову-Овсеенко, 17.03.1930 // АВП РФ. Ф.0122.Оп.14.П.149.Д.2.Л. 27. Стомоняков сообщил об этом решении в контексте информации об итогах заседания Коллегии НКВД. Поскольку соответствующие инструкции Политбюро 1926-1927 гг. никогда не были отменены, то формальной необходимости запрашивать Кремль относительно гарантийного пакта у НКВД не было. В повестках Политбюро 1930 года этот вопрос не фигурировал. Разумеется, он мог быть согласован Литвиновым или Стомоняковым с членами высшего политического руководства и вне официальных рамок, но на этот счет ничего узнать мне не удалось.

¹¹⁷ J. Kowalewski w artukule Izwiestij "znalazl nie tylko ogolna tresc, lecz w doslownem brzmieniu i niektore zdania i wyrazenia" uzyte przez naczelnika I-go Oddzialu Zachodniego Mihaila Karskiego w rozmowie z Kowalewskim cztery dni wczesniej (Raport J.Kowalewskiego do Szefu Oddzialu II Sztabu Glownego, Moskwa, 18.03.1930 // ААН. Attache wojskowi w Moskwie. Т.92. Str.74).

¹¹⁸ Письмо Стомонякова Антонову-Овсеенко, 27.3.1930 // Там же. Л.30).

¹¹⁹ Дневник полпреда СССР в Польше, 18 марта. С.51 Цирируемые слова принадлежат С.Патеку.

¹²⁰ См. Краткая запись разговора [Коцюбинского] с Голувко, 11.04.1930 // АВП РФ. Ф.09. Оп.5. П.44. Д.34. Л.59).

¹²¹ См. Показания Андрея Никовского // Известия. 16.3.1930; Окончание допроса Никовского // Там же. 18.3.1930.

¹²² Дневник полпреда СССР в Польше, 18 марта. С.52. Примечательно, что в развернутом сообщении о скором начале "ефремовского" процесса вовсе не упоминалось о инспирации со стороны польских властей, и даже харьковский "Коммунист" клеймил обвиняемых как агентуру, прежде всего, УНДО и (во вторую очередь) "польских помещиков и капиталистов", обходя вопрос о правительстве Польши (См. "Союз вызволения Украины" был организован по указке из-за границы // Известия. 26.02.1930.

должал оказывать вплоть до своего завершения во второй половине апреля¹²³. Второй (и, может быть, не последней) крупной причиной нежелания польского руководства поднимать тему гарантийного договора с Советами, было внушенное самим себя представление о ведущейся СССР подготовке к захвату Бессарабии. Докладывая о своих впечатлениях от встреч в Реввоенсовете и Наркоминделе и о попытках Советов вернуться к переговорам о пакте ненападения, военный атташе J.Kowalewski "nie mogl nie podkreslic jeszcze raz", что такое стремление целиком укладывается "w plany aktywizacji polityki sowieckiej na zachodnich granicach ZSSR, ktorych objektem koncowym bedzie sprawa Besarabji, wydzieliona i wyeliminowana jako sprawa scisle ograniczona" do konfliktu Związku Sowietkiego i Rumunii¹²⁴. В этих строках, по всей вероятности, отразились и варшавские беседы Ковалевского, настроения его начальников, полагавших, что пакт ненападения с Польшей может оказаться частью аннексионистских планов большевиков. Впрочем, если польские военные и политические деятели и не склонны были больше верить паническим слухам о подготовке агрессии против Румынии, после сделанных ими в Париже и Бухаресте предупреждений, проявить инициативу в постановке вопроса о пакте перед Советами означало бы скомпрометировать себя перед союзниками. Если первый капкан на пути переговоров о пакте – процесс «СВУ» – был поставлен большевиками, то второй – слухи об эвентуальном нападении Советов на Румынию – пилсудчиками.

С конца марта напряжение в Москве, вызванное кризисом коллективизации и волнениями в России и на Украине стало постепенно спадать. Властям потребовалось немного времени для восстановления полного контроля над деревней, и уже в начале апреля Сталин уверенно разъяснил, что "наступление на фронте классово́й борьбы" и подготовка "полной ликвидации врага" отнюдь не должны быть ослаблены¹²⁵. Одновременно вектор изменений в Европе переменялся в благоприятную для Советов сторону. Падение правительства Мюллера, влияние аграриев и националистов в сменившем его кабинете Брюнинга сулило осложнить отношения Германии с Польшей, тогда как Советы вступили в деловые переговоры с немцами о преодолении тупика в двусторонних политических и хозяйственных отношениях. В конце марта министр иностранных дел Румынии заявил об отсутствии у Бухареста сомнений «в доброй воле» СССР и о спокойствии на советско-румынской границе. Он повторил заверения, что «Румыния никогда не нарушит существующее положение», а ее союз с Польшей -- «исключительно оборонительный». В советских кругах это заявление было воспринято с откровенным облегчением, и Миронеску удостоился похвал за «мужественное» поведение¹²⁶. Пик антисоветских выступлений миновал и в Польше, и «Известия» чуть ли не оправдывались перед читателями за свой новый призыв к бдительности¹²⁷. Состояние "величайшей бдительности и величайшей осторожности" оставалось в силе, и образованное 1 апреля, после отставки Бартеля, правительство Славка Москва характеризовала как "наиболее опасное из всех правительств, управлявших Польшей за последние 4 года режима Пилсудского"¹²⁸. Эти высказывания уже были, однако, лишены неподдельной тревоги февральских и мартовских недель¹²⁹. Со стороны Польши не появлялось ни новых признаков военно-политической угрозы¹³⁰,

¹²³ См. Запись беседы члена Коллегии НКВД Б.С.Стомонякова с charge d'affaires RP w ZSSR A.Zieliezinskim, 17.03/1930. ДВП СССР. Т.13. С.147-151; raporty J.Kowalewskiego do Szefu Oddzialu II Sztabu Glownego, Moskwa, 18.03.1930 i 15.04.1930 // AAN. Attache wojskowi w Moskwie. T.92. Str.71-72, 88.

¹²⁴ Raport J.Kowalewskiego do Szefu Oddzialu II Sztabu Glownego, Moskwa, 18.03.1930 // Ibid. Str.74.

¹²⁵ Ответ товарищам колхозникам // И.Сталин. Указ. соч. С.215-216 (опубликовано в "Правде" 3 апреля 1930 г.).

¹²⁶ Попытка отмежеваться от антисоветских провокаций // Известия. 2.04.1930.

¹²⁷ Еще раз -- быть начеку // Там же. 7.04.1930.

¹²⁸ Письмо Стомонякова Антонову-Овсеенко, 7.04.1930 // Там же. Л.34. См. также редакционную статью «Полковники у власти» (Известия. 1.4.1930).

¹²⁹ В частности, Антонов-Овсеенко явно не мог с полной серьезностью воспринять оценку Стомонякова, хотя и повторял, что "всякое правительство пилсудчиков есть правительство подготовки войны с СССР" (Письмо Антонова-Овсеенко Стомонякову, 1.4.1930//Там же. Д.1.Л.42. Как раз 7 апреля полпред посетил нового премьер-министра. "Продолжительные взаимовоспоминания о революционной деятельности в старой Польше", – записал он после беседы со Славком (Дневник полпреда СССР в Польше, 7.04.1930 // Там же.Ф.09.Оп.5.П.44.Д.34.Л.59).

появлялось ни новых признаков военно-политической угрозы¹³⁰, ни симптомов заинтересованности в возобновлении переговоров о гарантийном пакте. Одновременно советская линия в отношении Польши вновь стала терять четкие очертания.

Примирительный тон по отношению к Польше продолжал преобладать как в Кремле, так и на Кузнецком мосту. В НКВД не только были отвергнуты все предложения полпреда в Варшаве относительно резкого реагирования на антисоветские выступления, но и приняли решения о дальнейших уступках в вопросах транзита почтовых посылок для скорейшего заключения почтово-телеграфной конвенции. Юрий Коцюбинский был отозван из Варшавы, и пост «украинского советника» был оставлен временно вакантным. На Наркомторг оказывалось давление для выдачи дополнительных заказов в Польшу. Показательно также, что руководство наркомата по иностранным делам по собственной инициативе решило поставить перед Политбюро вопрос о возведении дипломатических миссий в обеих странах в ранг амбасад¹³¹. Ефремовский процесс, хотя и вызвал негодование в Варшаве и демарши польских дипломатов в Москве, прошел отчасти при закрытых дверях, а на публикацию в центральной печати наиболее острых антипольских филиппик прокурора, был наложен запрет¹³². 20 апреля на встрече ведущих членов Политбюро было решено отменить подготавливавшийся не менее полугодом процесс над ксендзами, якобы занимавшимися шпионажем в пользу Польши¹³³.

Об официальном выдвигании перед МИД вопроса о заключении пакта ненападения ни в Москве, ни в варшавском полпредстве, однако, с конца марта вслух не вспоминали. Вероятно, советские руководители рассчитывали, что выступления Дмовского в "Gazecie Warszawskiej" в первой половине апреля, подхваченные советской печатью¹³⁴, вызовут официальную реакцию Польши. Вместо этого, Т. Голувко предупредил советских представителей, что публичные объяснения со стороны правительства в МИД считают излишними. «Пока в Польше живет Пилсудский, – объяснил вместо этого Голувко, – война невозможна. Я хорошо знаю мысли маршала, он убежден, что в России "это" затянется на 20-30 лет. Войны он не хочет»¹³⁵. В тот же день, еще не зная о предупреждении Голувко, московский официоз вновь указал на то, что от нового правительства ожидают «изложения своей внешнеполитической программы, в частности, его намерений в отношении СССР». «Но правительство загадочно молчит, как молчит оно, -- здесь совершался стремительный переход от обвинений к приглашению, -- по вопросу причин незаключения до сих пор договора о ненападе-

¹³⁰ См., в частности, перечень фактов, использованных для обоснования тезиса о военной угрозе со стороны Польши, в минской публикации: А.П. Антысавецкія махынацыі польскіх мілітарыстых // Звязда. 7.04.1930.

¹³¹ До начала 1930 г. и в последующий период отношение Наркоминдела к этой идее Патека, стремившегося прибавить к перечню своих заслуг звание первого посла в СССР, было по меньшей мере скептическим. Считалось, что такая акция приведет к повышению уровня взаимного представительства Польши и Германии, тогда как советский дипломатический протокол фактически не признавал разницы между послом и посланником. Несмотря на новую аргументацию НКВД, 25 марта в Кремле решили "отложить вопрос об обмене послами с Польшей" (Протокол ПБ ЦК ВКП(б) N 121 от 25.03.1930 (особый N 119), п.14 // РЦХИДНИ. Ф.17.Оп.162.Д.8.Л.112. Позитивное постановление Политбюро по этот счет было принято лишь четыре годами позже.

¹³² См. Raport J.Kowalewskiego, 15.04.1930. Str.88.

¹³³ Решение гласило: "Суда над ксендзами в данное время не устраивать. Оставить в заключении 15-20 человек, а остальных выслать". (Протокол ПБ ЦК ВКП(б) N 124 от 25.4.30 (особый N 122), п.46. // РЦХИДНИ.Ф.17. Оп.162. Д.8. Л.138). Возможно, наряду с общеполитическими причинами на исход этого дела повлияло специальное обращение Президента Мосцицкого с просьбой позволить выезд за границу 63-х-летнему ксендзу Stanislaw Przymberel, возглавлявшего приходы в Детском Селе и Святого Станислава в Ленинграде (он был арестован в октябре 1929 г. по обвинению в устройстве религиозных собраний и передаче посылок священникам, "поселенным" на Соловецких островах). (Notatka //АВП РФ. Ф.0122. Оп.14. П.149. Л.48). Передавая Антонову-Овсенко это пожелание президента, Голувко одновременно развеял надежды Советов на скорую организацию обмена заключенных ксендзов на деятелей "Громады". Маршал, сказал Голувко, против освобождения белоруссов (Дневник полпреда СССР в Польше, 11.04.1930 // АВП РФ.Ф.09. Оп.5.П.44. Д.34.Л.67).

¹³⁴ См., в частности: Крупнейший польский политик разоблачает подготовку войны против СССР // Известия. 10.04.1930.

¹³⁵ Дневник полпреда СССР в Польше, 11.04.1930. Л.67.

нии с СССР». Ссылаясь на то, что «положение стало слишком грозным, чтобы внушаемые им опасения могли быть рассеяны одними официальными общими заявлениями», Советы пытались побудить Варшаву либо помочь им начать переговоры о пакте, либо предоставить повод для новых обвинений¹³⁶. В итоге Советы получили публичное высказывание Залеского о подходе Польши к отношениям с восточным соседом, выдержанное в весьма общих выражениях. Министр заверил в желании Варшавы иметь мирные отношения с Советским Союзом, сославшись, в частности, на предоставляемые ему торговые кредиты, однако ни словом не упомянул о возможности возобновления переговоров о пакте неагрессии¹³⁷. «Как могут помочь заявления и пакты», объясняла «Gazeta Polska», если «глупая легенда» о существовании у Польши планов военной авантюры, «принадлежит к постоянному репертуару антипольской пропаганды»¹³⁸. Таким образом, вместо того, чтобы дать повод к возобновлению дискуссий о пакте ненападения, Варшава перебросила мяч на советскую половину поля. В связи с затуханием едва начатых разговоров о пакте ненападения в советском внешнеполитическом ведомстве подверглась переоценке поддержка со стороны "враго-друзей" (как однажды высказался об национальных демократах предшественник Антонова-Овсеенко на посту полпреда), обещавших было добиваться от правительства заключения такого пакта. "Кампания эндеков, помимо ее большого значения для дела мира, имела непосредственный успех в виде смягчения тона польской прессы. Конечно, – оговаривался Борис Стомоняков, – этот "успех" имеет лишь временное значение и никакой существенной роли при решении вопроса о войне или мире играть не будет"¹³⁹. Утилизировав выгодное для СССР содержание статей Romana Dmowskiego, "Правда" вернулась к уничижительным высказываниям в его адрес¹⁴⁰.

В результате наиболее значительным и перспективным делом в советско-польских отношениях в апреле 1930 г. представлялось возобновление переговоров о торговом договоре. 11 апреля на завтраке в варшавском полпредстве состоялся многообещающий обмен мнениями между Антоновым-Овсеенко и Голувко. Советский представитель повторил заявление, уже сделанное им премьеру Валерию Славеку и министру финансов Игнацию Матушевскому 7 и 8 марта, что "в нынешней настороженной международной обстановке, обстановке отчаянной антисоветской кампании не может не вызвать беспокойства политика, приводящая к примирению на Западе и по меньшей мере – официально-пассивная на Востоке". Прежние высокопоставленных собеседники Антонова-Овсеенко ограничились выражением готовности подвергнуть деловому обсуждению конкретные экономические вопросы. Голувко же откликнулся на его зондаж: "Это верно! Конечно, может складываться невыгодное для нас впечатление. После соглашения с Германией нужно соответственное соглашение с вами. Раньше я думал, что следует начать с вас, затем идти к Германии. Мне помешали". Развернулся спор о том, какая из сторон должна проявить инициативу и сделать первый шаг к возобновлению переговоров¹⁴¹. Итоги этих зондажных бесед были встречены в НКВД со скепсисом, однако неподдельная заинтересованность Советов в торговом договоре с Польшей побудила Коллегию сделать следующий шаг. В середине апреля полпреду было поручено сообщить Голувко, что если его заявление отражает позицию правительства, то советская сторона готова приступить к пе-

¹³⁶ Польша и антисоветский фронт // Известия. 11.4.1930. На следующий день «Известия» одобрительно прокомментировали адресованный призыв к правительству высказаться «о военной тревоге», хотя он и исходил ненавистного им «Robotnika». См. также: Современник. Международный обзор // Известия. 15.04.1930.

¹³⁷ Интервью Залеского Walter Duranty появилось в 16-го, в польской печати -- 18-го апреля, а 19 апреля - в советской. Корреспондент New York Times W.Duranty был аккредитован в Москве и совершил поездку в Варшаву специально для получения интервью. Свидетельств тому, что Duranty получал от советских властей прямые субсидии (как это было, например, с его соотечественником Louis Fisher'om), не обнаружено, однако как показывает долгая и успешная работа Duranty в СССР, он умел с ними ладить. Поэтому вполне вероятно, что варшавский вояж американского корреспондента был предпринят по совету советских хозяев, стремившихся выжать из Залеского декларацию о польско-советских отношениях.

¹³⁸ Цит. по: С больной головы на здоровую // Известия. 17.04.1930.

¹³⁹ Письмо Стомонякова Антонову-Овсеенко, 27.04.1930 // АВП РФ. Ф.0122. Оп.14. П.149. Д.2. Л.43.

¹⁴⁰ "Я обращаю внимание редакции газеты "Правда" на ее неправильное выступление в отношении выступлений Дмовского", – обещал Стомоняков (Письмо Стомонякова Антонову-Овсеенко, 27.04.1930 // Там же. Л.40.

¹⁴¹ Дневник полпреда СССР в Польше, 11.04.1930. Л.67. Из НКВД копия этой записи была направлена Сталину, членам Коллегии и полпреду в Берлине.

переговорам¹⁴². Как и предполагали в Москве, польские правительственные круги не поддержали позицию Голувко относительно желательности советско-польского торгового договора. Верх взяло мнение И. Матушевского (и "Левиафана") о том, что договоренности по конкретным вопросам должна предшествовать полномасштабному обсуждению торгового договора. Впрочем, "если б нам в ходе этих переговоров удалось закрепить свои позиции на длительный срок в некоторых из здешних отраслей промышленности..., попытаться сблизить некоторые интересы (например, в лесном экспорте), использовать взаимную заинтересованность в иностранных кредитах, например, для упорядочения системы Припяти и т.п. [включая "вопросы транзита"], – то мы, мне кажется провели бы серьезную работу по смягчению наших отношений", полагал Антонов-Овсеенко, и в Москве с ним склонны были соглашаться¹⁴³.

На практике это означало, что оба больших политических проекта – пакт о ненападении и торговый договор – откладываются на неопределенное время. Обнаружение 26 апреля бомбы, заложённой в советской миссии в Варшаве, и новый тур дипломатических осложнений стали эпилогом замысла добиться устойчивой разрядки *detente* в отношениях между СССР и Польшей. По мере того как спадала волна социально-политического кризиса в Советском Союзе внимание его вождей все больше занимали перспективы, открываемые нараставшими в Польше хозяйственным кризис и политической нестабильностью. «Военная тревога» миновала. Преподанные ею уроки нашли вскоре выражение в советской внутренней и внешней политике.

Выводы и предположения

(а) Почему Советы боялись

Весной 1929 г., докладывая об реакции Советов на формирование "первого правительства полковников" (K. Switalskiерo), Stanislaw Patek размышлял над общими причинами, побуждающими Москву придавать всем неблагоприятным для нее международным факторам характер непосредственной угрозы жизненным интересам Советского Союза. "Wobec stalej nieszczerosci i ciaglych podstepow sowietow, – писал Patek, – pomimo woli wysuwa sie pytanie: czy oni tak sie nas boja w istocie? czy tez w interesie ich lezy swiatu, ze oni wskutek naszej polityki znajduja sie w niebezpieczenstwie? A moze i jedno i drugie, bo ze sie boja, to nie ulega zadnej watpliwosci." Вопрос этот задавался во многих иностранных миссиях и западных столицах. Patku, однако, удалось лучше других приблизиться к ответу на него. К приведенным выше строкам, *posel* добавил указание на внутренний источник перманентного беспокойства Советов: "Punktem najdrazliwym nie przestaje byc Ukraina"¹⁴⁴.

Долгое господство официальной историографии и труднодоступность важных источников по социально-политической истории СССР на переломе 1920-х–1930-х годов породили преувеличенные представления о прочности тогдашней "radzieckiej" власти, ее неограниченной способности к осуществлению большевистской доктрины. На устойчивости такого воззрения сказалось и влияние концепции тоталитаризма, завоевавшей многие умы в Центральной и Восточной Европы как раз тогда, когда ее эвристические потенции стали вызывать на Западе все большее разочарование¹⁴⁵. Между тем, аутентичные материалы о тревоге, охватившей советские партийные, правительственные и военные круги весной 1930 г., подтверждают наблюдения Патека. Основной причиной, придававшей беспокойству по поводу ухудшения внешнеполитического положения СССР преувеличенные

¹⁴² Эта позиция была согласована НКВД с наркомом торговли Микояном, однако руководители обоих ведомств не договорились о тактике переговоров "и не ставили вопроса в Сессии", т.е. Политбюро. Вероятно, в Наркоминделе считали неуместным ангажироваться перед Кремлем до получения официального ответа поляков (См. письмо Стомонякова Антонову-Овсеенко, 17.04.1930 // АВП РФ. Ф.0122.Оп.14.П.149.Д.2.Л.39).

¹⁴³ Письмо Антонова-Овсеенко Стомонякову, 10.04.1930 // Там же. Д.1.Л.47. Сомнения в НКВД вызвало лишь намерение полпреда заняться проектом регулирования системы Припяти. Исходя из опыта контактов по этому поводу Стомоняков посоветовал Антонову-Овсеенко "не тратить на это дело много времени и энергии" (Письмо Стомонякова Антонову-Овсеенко, 27.04.1930. Л.41).

¹⁴⁴ Raport St.Patka do Ministra Spraw Zagranicznych, Moskwa, 9.05.1929 // AAN. Ambasada RP w Moskwie. T.58.Str.100.

¹⁴⁵ Zob., в частности: Jacques Rupnik, "Totalitarianism Revisited", in J.Keare (ed.). Civil Society and the State: New European Perspectives. L., 1990. P. 263-266.

масштабы, являлось неверие в прочность собственной власти.¹⁴⁶ Глубоко запрятанное, в обстановке социально-политического кризиса в СССР оно вышло наружу, заставило советских вождей поставить перед собой вопрос о возможности падения Советской власти в Правобережной Украине и польского вмешательства. Остро ощущая дефекты собственной власти, множественные швы на национально-социальном организме Советского Союза, его руководители боялись, что Варшава не удержится от соблазна воспользоваться ими для нанесения удара по СССР. Отпечаток этого страха отчетливо проявился полутора годами позже, при обсуждении в Политбюро целесообразности переговоров с Польшей о пакте ненападения. Сталин убеждал своих соратников, что заключение пакта о ненападении с Польшей – дело "очень важное, почти решающее (на ближайшие 2-3 года)", поскольку это – "вопрос о мире", и речь идет не больше, не меньше как об "интересах революции и социалистического строительства".¹⁴⁷

Поэтому далеко не всегда следует искать скрытых внешнеполитических либо пропагандистских мотивов в проявлениях страха Советов перед эвентуальной польской агрессией, как бы причудливо эти страхи не выглядели в исторической ретроспективе. В начале 1930-х гг. они явились фактором первостепенной важности в принятии советским руководством решения о заключении пакта о ненападении с Польшей на условиях компромисса. Однако эти же страхи углубляли нежелание Москвы на протяжении 1930-х гг. удовлетвориться словесными заверениями польской дипломатии, что *ze strony Polski Sowietom nic nie grozi*¹⁴⁸, и в конечном счете побуждали советских вождей искать силового решения – будь то принуждение Польши к послушанию или ее новый раздел.

(b) Угроза "превентивной войны" и пакт ненападения

Историки уже около полувека обсуждают вопрос о зондажной угрозе Пилсудского прибегнуть к "превентивной войне" против Германии после прихода к власти национал-социалистов. Между тем, в тени остается возникший тремя годами раньше призрак "превентивной войны" Польши против СССР. В отличие от 1933 г. этот призрак не блуждал по закоулкам правительственных коридоров и дипломатическим гостиным, а открыто объявился на страницах "Gazety Polskiej", которую можно упрекнуть в чем угодно, но только не в непослушании Маршалу. 20 февраля "Gazeta Polska" посвятила свою передовую статью советской пятилетке. Основная цель пятилетнего плана, утверждалось в статье, состоит в том, чтобы "интенсивно развить политическую деятельность", направленную прежде всего на соседние государства. "Таким путем, коммунисты ведут дело к войне, которая по их мнению является вернейшим средством вызвать революцию.[...] Большевики обещают, что если им удастся реализовать хотя 50 процентов их плана, то по истечении пяти лет они начнут по иному разговаривать с буржуазными странами и займут по отношению к ним другую позицию"¹⁴⁹. Советы имели все основания оценить эти рассуждения, нашедшие отзвук и в других выступлениях проправительственной прессы, если не как прямой призыв к превентивной войне, то как указание Пилсудским на наличие серьезных к тому мотивов.

Удар пришелся в самое чувствительное место. Признания кремлевского диктатора на этот счет еще в начале февраля 1930 г. покорно перепечатала вся советская пресса. По своей сути они совпадали с тем, что ровно через три года предстояло сказать Гитлеру своим генералам на секретном совещании у Наммерштейн-Экворда. "Ликвидация кулачества", "обострение классово-борьбы" в СССР, вкупе с "экономическим кризисом и подъемом революционной волны в капиталистических странах", объявил Сталин, "могут значительно сократить сроки [мирной] "передышки"", "но они безусловно **должны** усилить и умножить средства нашей обороны". Как сложится ситуация в бли-

¹⁴⁶ Я оставляю сейчас в стороне другую сторону проблемы -- своеобразие советской идеологии, налагаемой на своих приверженцев, гностическое видение космоса и себя в нем. Сопоставление идеологии ленинского типа и гностицизма, чрезвычайно важное для понимания советской внешней политики см., в частности, у Alain'a Besancon'a ("Les origines intellectuelles du Leninisme"). Выразительный и провоцирующий анализ этой стороны советской ментальности см. Gabor T. Rittersporn. "The Omnipresent Conspiracy: On Soviet Imagery of Politics and Social Relations in the 1930s, in J. Arch Getty and Roberta T. Manning (eds), Stalinist terror: new perspectives. Cambridge, 1993.

¹⁴⁷ Письмо И.В.Сталина Л.М.Кагановичу, Сочи, 30.8.[1931] // РЦХИДНИ. Ф.81.Оп.3.Д.99.Л.12-13.

¹⁴⁸ "A ja jednak sie boje", -- привычно отвечал Литвинов, и однажды вырвавшийся у Бека совет обратиться к врачу ("na nieuzasadnione strachy tylko lekarz mose poradzic") отражал характерную для него попытку спрятаться от реальности. (Об этом эпизоде Бек тщеславно сообщил в 1934 г. Мацкевичу (St.Mackiewicz (Cat). O jedenastej powiada aktor. L., 1942. Str.54)).

¹⁴⁹ Цит. по: Современник. Международный обзор// Известия. 28.02.1930.

жайшей перспективе, Сталин судить не брался.¹⁵⁰ Невозможно было яснее заявить о том, что Советский Союз вступил в фазу наибольшей уязвимости, которая скоро сменится усилением советской мощи.

О мотивах Пилсудского, приказавшего (или разрешившего) публично рассуждать о выгодах, которые представляет для Запада "упреждающий" удар по Советам, пока остается догадываться. Можно предположить, что, как и в 1933 г., предпринятая Варшавой демонстрация была адресована прежде всего ее главному союзнику и наиболее актуальному потенциальному противнику. В марте 1930 г., вскоре после окончания II Гаагской конференции, завершившей новый этап раскрепощения Германии от версальских ограничений, Польша возобновила усилия по получению от Франции кредита на закупки военных материалов или на оборонное строительство. Возможно, однако, что Пилсудский, который w rozmowie z A. Zaleskim w początkach kwietnia "położył nacisk na potrzebę wszczęcia akcji wobec rządu francuskiego mającą na celu zacieśnienie współpracy w dziedzinie bezpieczeństwa"¹⁵¹, имел в виду и более широкий круг вопросов, связанных с судьбой франко-польской военной конвенции (в частности, проблему формулы *agression flagrante* или даже тройственного гарантийного соглашения). Во всяком случае, напоминание о стратегической значимости Польши в случае конфликта европейских держав с Советами и о растущей угрозе с востока, могло быть сочтено Пилсудским нелишним при начале новой партии с французами.

В отношениях между Польшей и СССР громогласные рассуждения о "превентивной войне" сыграло вполне очевидную функцию – припугнуть Москву и побудить ее к нормализации отношений с поляками. Как явствует из предшествующего изложения, в середине февраля – марте 1930 г. советская внешнеполитическая линия действительно претерпела большую эволюцию. В середине марта Москва вплотную приблизилась к тому, чтобы официально предложить польской стороне возобновление переговоров о пакте ненападения, и тем самым заранее ослабить свои возражения против выставленных Польшей условий заключения такого пакта. Если такая цель в самом деле ставилась творцом польской политики, то в полной мере добиться ее не удалось. Вероятно, все же, что по соображениям международной и внутренней политики Пилсудский в конце концов счел полезным отложить возобновление дискуссий о пакте, поручив Залескому, Патеку и Голувко проявлять сдержанность на этот счет.

Путь к договору ненападения между СССР и Польшей в 1930-31 гг. оказался чрезвычайно извилистым и запутанным. Если в переговоры с немцами о декларации неагрессии Варшаве удалось вступить уже через девять месяцев после зондажных бесед о "превентивной войне", то в отношениях с Советами на это ушло почти вдвое больше времени. Тем не менее, в сознании Сталина (и, возможно, некоторых других членов советского руководства) сохранялась прямая связь между призраком превентивной войны со стороны Польши и перспективами заключения с нею пакта ненападения. Достаточно сопоставить приведенные выше высказывания Сталина февраля 1930 г. с его аргументацией в пользу пакта в августе 1931 г., чтобы обнаружить глубокую преемственность между ними.

(с) Украина и шансы "превентивной войны" с Советами

Утверждение, что дискуссии о "превентивной войне" подтолкнули советское руководство к нормализации отношений с Польшей, разумеется, отнюдь не равнозначно доказательству, что именно эту и только эту цель ставил Маршал перед своей восточной политикой в начале 1930 г. Возможно, он думал и том, что заявления об агрессивном потенциале Советов могут оказаться полезным и в случае глубокого разлома власти большевиков на Украине, что поставило бы во весь рост вопрос о польском вмешательстве.

Ураган коллективизации, пронесшийся в январе-марте 1930 г., должен был внести важные коррективы в представления польской (и, отчасти, большевистской) элиты о возможных сценариях нового столкновения на Украине. Коллективизация впервые, за несколько лет до массового голода и нацистских лагерей, раскрыла потенции Партии-Государства, возможность редуцирования социального протеста и бессилие человека перед современными (впрочем, пока еще несложными) технологиями подавления. Масштабы и динамика крестьянского сопротивления в первые месяцы 1930 г. известны лишь с большой долей приблизительности. Из опубликованных данных вытекает, однако,

¹⁵⁰ Ответ товарищам свердловцам // И.Сталин. Собр.соч.Т.12.М.,1953.С.188. Ответы Сталина, датированные 9 февраля 1930 г., были опубликованы в "Правде" 10-го, а в "Известиях" 11-го февраля. Таким образом, Boguslaw Miedzinski, который, вероятно, и подготовил серию статей о советской пятилетке, имел возможность своевременно ознакомиться с ними.

¹⁵¹ Henryk Bulhak. Op.cit. Str.269-270 (Цитируемые слова взяты из raportu Lipskiego).

что в марте, когда проявления недовольства достигли наивысшего уровня, во всех областях России, Белоруссии и Средней Азии, в активных выступлениях участвовало примерно такое же (или даже меньшее) число крестьян, как в одной лишь Украине¹⁵². К пассивности и терпению россиян Пилсудский и его последователи были готовы, ничего иного от России они и не ждали. Но и на Украине властям оказалось сравнительно нетрудно парализовать попытки повторить "19 або 20 рік". Сопро­тивление украинского крестьянства было подавлено силами местных органов власти, в отдельных случаях – с привлечением маневровых групп ГПУ УССР, но без участия армейских частей.¹⁵³ Целые эшелоны подвод с выселяемыми "кулаками" доставлялись на станции "в сопровождении двух, трех вооруженных дробовиками сельских активистов"¹⁵⁴. Столь же показательной чертой поведения людей, элементарные условия самого существования которых оказались под угрозой, явилось то, что "руководящая, самая активная роль" "во всех волнениях" была уступлена женщинам – в безответственной надежде, "что с женщинами советская власть не будет бороться"¹⁵⁵.

Такой покорности судьбе вряд ли ожидали от восточнославянского крестьянства революционеры начала XX века, ставшие к 1930-м Властью. Вероятно, не ожидало ее большевистское руководство, намечая в начале января районы темпы проведения коллективизации – темпы радикальные в его глазах, но очень легко и быстро превзойденные ревностными исполнителями (это по­ст­фактум разрешила им Москва, но вначале позволило все же крестьянство). Но и польское руководство – выходцы из ППС и Легионов – обманулись в предчувствиях "грозных событий на востоке". В среде пилсудчиков напрасно рассчитывали, что *potegowanie daznoscі ukraincow do własnych form państwowosci* окажется настолько сильным, что "paralizuje swobode ruchow wschodniego sasiada i oslabia podwojne jego sile"¹⁵⁶. Революционный (и государственный) романтизм, окрашивавший "robotu" адептов прометеизма и влиявший на функционирование правительственного аппарата, разбил о неспособность народа Украины, пережившего войну, революцию и десятилетие советской власти, подняться в своем протесте выше изолированных бунтов. Бытовавшие на Правобережной Украине рассуждения вроде "радянська влада може догратися, що прийдуть інші держави наводити порядок"¹⁵⁷ обернулись жестокой ошибкой. "Другим государствам" оказалось не с кем иметь дело, кроме "доигравшихся" Советов, и Пилсудскому оставалось проявить государственный реализм – отказаться от последнего, но призрачного шанса осуществить федеративную идею. Нормализация отношений с Советами оказалась неизбежной.

(d) Советское общество и милитаризация

Хорошо известно, как в 1927 г. сталинское руководство извлекло максимум возможного из обострения отношений с Англией и Польшей для собственных внутривластных нужд – прежде всего для дискредитации и разгрома партийной оппозиции. Предположения современников о том, что с начала сплошной коллективизации в недрах высшего партийно-советского аппарата стала ощутимо проявляться оппозиция сталинскому курсу, остаются неподтвержденной гипотезой. Невозможно поэтому с определенностью утверждать, что состояние бдительности перед лицом польской угрозы нарочно стимулировалось Сталиным или было использовано против существующей

¹⁵² См. Р.У.Девис, О.В.Хлевнюк. "Развернутое наступление по всем фронтам" // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т.1. М., 1997. С.125. О данных по Украине см. выше.

¹⁵³ К первой войсковой "операции в Чечне" (декабрь 1929 г.) властям пришлось привлечь 1900 бойцов при 75 пулеметах, 11 орудиях и 7 самолетах, ко второй (март 1930 г.) -- 3900 бойцов при 16 орудиях. Потери армейских частей в этих военных операциях составили 68 человек убитыми и ранеными (Н.Е.Елисеева (публ., вступит. ст., комментарий). Чечня: вооруженная борьба в 20-30-годы // Военно-исторический архив. Вып.2. М., 1997. С.136, 144-145), тогда как потери среди представителей власти (включая сельских активистов, милиционеров и т.д.) на всей Украине за первые три месяца 1930 г. составили 130 человек (Справка о потерях в процессе массовых выступлений на Украине, 8.04.1930 // Валерий Васильев, Лінн Виола. Указ. соч. С.252-253).

¹⁵⁴ Письмо председателя ГПУ Украины В.Балицкого генеральному секретарю ЦК КП(б)У С.Косиору, 22.02.1930 // Валерий Васильев, Лінн Виола. Указ. соч. С.185.

¹⁵⁵ Докладная записка председателя ГПУ Украины В.Балицкого секретарю ЦК КП(б)У Л.Картвелишвили, 3.03.1930 // Там же. С.196-197.

¹⁵⁶ Andrzej Grzywacz, Gregorz Mazur (oprac.) Raport o pracach Oddziału II Sztabu Głównego w zakresie dyplomacji wojskowej // Zeszyty Historyczne. Z.111 (1995). Str.20.

¹⁵⁷ Информационно-политическое письмо Тульчинского окружкома партии в ЦК КП(б)У "О политическом положении округа в связи с волнениями крестьянства", 21.3.1930 // Валерий Васильев, Лінн Виола. Указ. соч. С.332.

оппозиции. Вероятно, тем не менее, что политико-административная, военная и пропагандистская подготовка к эвентуальному конфликту с Польшей и ее союзниками, не была лишена задних мыслей и намерений *предупредить и предотвратить* возникновение в партийной среде волны критики высшего руководства, прилива симпатий к "правым" и попытки изменения "генеральной линии".

Существует, однако, область, в которой влияние как самой "военной тревоги", так и факторов ее породившей, проявилось с несомненностью, –военное строительство и мобилизационное планирование. Обозначившийся весной 1930 г. кризис Рапалло не только посеял серьезные сомнения относительно перспектив сотрудничества СССР и Германии в случае войны с Польшей, но и вел к обесценению оговорки, которую сделал Берлин при принятии Германии в Лигу наций в 1926 г., о невозможности пропуска через ее территорию войск членов Лиги в случае введения ею военных санкций против СССР (т.е. в случае советско-польской войны). В этом контексте –и, быть может, вне прямой зависимости от поведения Варшавы –ощущение непосредственной угрозы с ее стороны в сочетании с внутренними опасностями для советского строя, весной 1930 г. стимулировали пересмотр планов строительства вооруженных сил. Михаил Тухачевский, Сергей Каменев и их сторонники в военно-политическом руководстве получили мощное средство давления на своих оппонентов во главе с Ворошиловым. Характерно, что в спорах о масштабах военного строительства на стороне Тухачевского весной 1930 г. впервые оказался и командующий Украинским военным округом Иона Якир. Официальное признание Политбюро ЦК ВКП(б) и Реввоенсоветом СССР непосредственной военной опасности предreshали пересмотр решения Политбюро (15 июля 1929 г.) о плане развития РККА на первую пятилетку в сторону значительно увеличения. В июне 1930 г. установленные Политбюро ориентиры подготовки армии военного времени были опрокинуты. Однако и июньский план РВС СССР о строительстве Красной армии на предстоящие годы через несколько месяцев был подвергнут сильной ревизии, что оправдывалась, в частности, ссылкой на перемены в политическом положении Польши и Румынии летом 1930 г. Несмотря на то, что из имманентного советской системе процесса милитаризации непросто выделить его внешнеполитические основания, есть причины считать, что "военная тревога" февраля-апреля 1930 г. обезоружила противников безудержного наращивания военного потенциала, что в свой черед влекло за собой постановку амбициозных внешнеполитических задач. Понадобилось всего лишь несколько лет, чтобы политическое и военное руководство СССР от нервного ожидания –"польское правительство может пойти на вмешательство" перешло к установке: "Красная армия должна быть в состоянии вести борьбу с любой коалицией мировых капиталистических держав и нанести армиям этих держав решительный и сокрушительный удар и поражение"¹⁵⁸.

¹⁵⁸ Подробно эти вопросы рассматриваются в подготавливаемой к печати работе "Мобилизационное планирование и политические решения, конец 1920-х--середины 1930-х гг."